

О РЕЗУЛЬТАТАХ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРИЧАСТНОСТИ КГБ К АВГУСТОВСКОМУ ПУТЧУ ¹**ИЗВЕСТИЯ**

№ 32 • 7 февраля 1992 года • 2

**СПЕЦСЛУЖБЫ
РОССИИ
ПО-ПРЕЖНЕМУ БЕЗ ЗАКОНА
И ОЧЕНЬ ОПАСНЫ**

Сергей ЧУГАЕВ, «Известия»

Состоявшиеся 4 февраля в парламенте России слушания о роли репрессивных служб бывшего СССР в организации и проведении августовского путча произвели впечатление достаточно двойственное. С одной стороны, официальный вывод высшего законодательного органа государства о том, что КГБ СССР вместе с КПСС являлись главными идеологами и организаторами попытки переворота, является при всей своей сегодняшней несенсационности все же необходимым. И вместе с тем не покидает ощущение бессилия власти перед этим монстром, который, похоже, при любом режиме остается неуязвим, живет своей особенной жизнью, по своим собственным законам.

Возникает вопрос: для чего работали многочисленные комиссии, расследовавшие деятельность КГБ! Его мы решили задать председателю комиссии Президиума Верховного Совета России по расследованию причин и обстоятельств августовского переворота ЛЬВУ ПОНОМАРЕВУ, начиная беседу о проблемах обеспечения контроля общественности за деятельностью спецслужб.

— Я отнюдь не склонен считать итоги деятельности нашей комиссии неудачей. Напротив, считаю, что мы своей цели достигли. Перед нами стояла задача изучить причины и обстоятельства попытки переворота и внести предложения по изменению законодательства и государственных структур, которые бы максимально застраховали наше общество от повторения августовских событий. И в этом различие целей нашей комиссии от других. Мы, например, изучали документы, а члены комиссии союзного парламента, возглавлявшейся Александром Оболенским, больше внимания уделяли беседам с сотрудниками КГБ. В этой комис-

сии, кстати, работали очень квалифицированные эксперты, собран важный и интересный материал. Однако, к сожалению, использовать его нам не удалось. Оболенский с самого начала строго засекретил свою комиссию. Когда же стало ясно, что ему не суждено стать главным героем предстоящих слушаний, он уехал из Москвы и не выполнил распоряжение Президиума Верховного Совета России передать архив комиссии в наше распоряжение.

Члены нашей комиссии стали, пожалуй, первыми «обыкновенными» людьми, получившими доступ в архивы ЦК КПСС и КГБ. Нам даже удалось прикоснуться сразу после распада СССР к архиву М. Горбачева. Там содержатся очень важные документы, но, к сожалению, этот архив теперь находится под контролем руководителя администрации Президента России Юрия Петрова и доступ к нему невозможен.

Собственно говоря, причины попытки переворота ясны всем — это тоталитарная сущность государственной власти в СССР, узурпация власти идеологической структурой — коммунистической партией. И материалы, которые мы изучили, это убедительно подтверждают.

Наш первый и главный вывод — для того чтобы изменить тоталитарную сущность государства, следует прежде всего внести изменения в Конституцию, завершить судебную реформу — создать правовые основы демократического государства.

— Звучит не очень оригинально...

— Да, многие называют такой вывод банальным. Но одни говорят так, я считаю, не понимая глубоко, что за этим стоит, другие, наоборот, вполне представляя, какую угрозу для них лично таит возможность реализации этих предложений. Ведь в конце концов та же банальность — рассуждения о необходимости строжайшего парламентского и судебного контроля за репрессивными органами. Однако прошло уже полгода, а нет ни контроля, ни правовой базы. Считаю, что во многом мы обязаны таким положением отсутствию политической ре-

шности у руководства Верховного Совета. Если бы Хасбулатов, к примеру, твердо заявил, что парламент должен контролировать спецслужбы, то, думаю, не возникло бы такой фелепой ситуации, когда депутаты гадают — прослушивают ли их телефоны, или нет. Недавно по распоряжению Председателя Верховного Совета создана комиссия по проверке назначений на высшие руководящие должности в МБР, но сделано это, насколько я знаю, только из-за того, что ухудшились отношения между Баранниковым и Хасбулатовым.

— Известно, что членам вашей комиссии мешало работать в архивах, уничтожались документы, и в конечном счете так и осталось неизвестным, кто же отдавал такие распоряжения?

— Беда тут, видимо, еще и в том, что с самого начала полномочия нашей комиссии не были четко обозначены. Поэтому, для того чтобы получить доступ в архивы — ЦК КПСС, КГБ, — нам приходилось писать письма, получать разрешения. Но, пробив эту стену, наши эксперты на первых порах могли уже работать. Им не помогали, но и не мешали. В последнее же время, когда стали известны некоторые результаты нашей работы, мы стали ощущать нарастающее сопротивление со стороны руководства МБР. Несколько раз наших экспертов не пус-

кали в архив на Лубянке. Пропорщик на входе заявляет: получил указание не пускать. От кого? Естественно, узнать невозможно. После того как мы попытались получить доступ к архивам ПГУ, Евгений Примаков сам приехал в Белый дом и обошел все руководство Верховного Совета. В результате эти архивы так и остались для нас недоступными.

— На парламентских слушаниях он заявил, что сотрудники внешней разведки не были причастны к организации путча, не занимались слежкой за советскими гражданами и что в архивах ПГУ вообще нет никаких, представляющих для вашей комиссии интерес документов...

— Однажды наши эксперты нашли в архиве на Лубянке документ ПГУ, в котором содержались инструкции о том, как следует изучать поведение народных депутатов СССР и России, находящихся за границей. На чьи деньги они живут, с кем общаются, куда ходят и тому подобное. На этом документе, вдобавок, были собственноручные пометки М. Горбачева. На следующий день документ бесследно исчез. Позже экспертам удалось достать его копию, но уже без пометок Горбачева.

У нас есть сведения о том, что ПГУ по крайней мере с декабря девяностого года по август девяносто первого выполняло задания по дискредитации политических партий, движений, оппозиционных КПСС, российских лидеров. В частности, была организована серия соответствующих выступлений в зарубежной прессе. У нас есть свидетельства людей, которые занимались этой работой, есть копии отчетов агентов ПГУ, занимавшихся слежкой за российскими депутатами. Одним словом, есть основания просить допуска к архивам внешней разведки, причем не к той их части, где содержатся сведения, действительно составляющие государственную тайну. Однако Е. Примаков счел возможным нам отказать, а Президиум Верховного Совета нас не поддержал. Мало того, по инициативе Р. Хасбулатова 14 февраля наша комиссия прекращает работу...

— Надо ли понимать так, что главным итогом работы вашей комиссии стали те самые парламентские слушания, на которых было заявлено о ведущей роли КГБ в путче? И это все?

— Нет, не все. Мы предполагаем доложить об итогах работы нашей комиссии на сессии парламента с тем, чтобы было принято постановление. В этом постановлении будут наши предложения — чем заполнить тот правовой вакуум, в котором сегодня действуют спецслужбы. Ведь такая ситуация не только создает опасность для общества, но и мешает работать самим сотрудникам госбезопасности, большинство которых — честные люди. Концепция безопасности рассмотрена в первом чтении, второе чтение состоится не раньше осени. Ждать так долго нельзя. Поэтому мы выступим с предложением: до принятия законов издать соответствующие Указы Президента России, регламентирующие деятельность спецслужб. Думаю, что мы получим поддержку.

В числе законодательных актов мы хотим предложить принять и закон о люстрации, который не допускал бы назначения на высокие посты людей, сотрудничавших в прошлом с КГБ.

— Но, говорят, сегодня выявить агентуру бывшего КГБ технически невозможно. Часть архивов уничтожена, документы зашифрованы...

— Это не так. Существует неприкосновенная картотека, в которой собраны имена всех агентов за всю историю существования советских репрессивных органов. Поэтому, например, выявить, кто из российских депутатов — сотрудник КГБ, труда не составляет. Нужен лишь соответствующий закон. Разумеется, при этом речь не идет о том, чтобы развернуть широкомасштабную «охоту на ведьм».

(В настоящее время редакция «Известий» готовит к публикации материалы, посвященные конкретным результатам проведенных комиссией расследований).

ОЛЕГ КАЛУГИН О СЕГОДНЯШНЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АГЕНТОВ КГБ ЗА ГРАНИЦЕЙ
"НЕДЕЛЯ", №3, 1992

Калугин, Карлос, Кремль

Олег Данилович КАЛУГИН превратился в самого популярного консультанта отечественных журналистов. По вопросам Гб-тематики. Не знаю, каким Калугин был разведчиком (говорят, что одним из лучших). Но консультант (и собеседник) он классный...

— Как сейчас работают службы бывшего КГБ? Они уменьшили свой штат зарубежных агентов?

— Еще не уменьшили. Хотя МИД категорически против засилья КГБ в структурах министерства. Впрочем, там тоже «наших» хватает.

Из речи перед избирателями 28 сентября 1990 г.: «Шевченко был агентом ЦРУ. В свое время попросил у американцев политическое убежище. Ему пообещали, но сначала попросили поработать. У нас имелась информация о том, что он, возможно, завербован. Разумеется, знал об этом и Андропов. Докладывали Громыко. Но тот не реагировал. Когда же Шевченко сбежал, Громыко сказал: «Шевченко? Кто такой, что-то не припомню». Тогда мы отыскали фотографию, где были запечатлены Громыко и Шевченко со своими женами на пикнике у костра. Этакая идиллия, ну прямо-таки одна семья. Объяснилось все очень просто. Шевченко поставил семье Громыко много зарубежного барахла».

Резюме. По среднему самому индивидуальному месячному вводу в МВБ из 2 900 дипломатов советского МИДа 2 200 принадлежат КГБ и ГРУ.

— В течение будущих месяцев, по каким прогнозам, станет ли известно, что в высших эшелонах иностранных правительств были агенты КГБ?

— Практически все самые крупные интересные агенты либо уже умерли, либо давно на пенсии. Более интересно другое: из КГБ сбежали (или работали как агенты ЦРУ, Французской разведки, других спецслужб) почти тридцать человек. Разложение полнейшее. Какой нормальный человек будет после этого сотрудничать с советской разведкой? Какие агенты могли остаться на Западе? Они все были либо арестованы, либо сбежали.

— Так ведь эти люди хорошо сплачивались. Соблазн был велик. По-видимому, у экс-Комитета ныне должны быть серьезные финансовые проблемы?

— Да. Почему платить не только агентам, но и своим собственным офицерам.

— По какому приблизительно году советские секретные службы поддерживали рабочие отношения с арабскими террористическими группировками?

— Никогда мы их не поддерживали! Это тоже форма

дезинформации. Но со стороны западных спецслужб. Мы поддерживали национально-освободительное движение во всем мире.

— А знаменитый Карлос? Тот хрестоматийный воспитанник Гб, про которого на Западе снято столько игровых и учебных фильмов, написано столько захватывающих книг и засекреченных диссертаций?

— Он учился в Университете имени Патриса Лумумбы, потом уехал на Запад. Тогда он у нас был в 70—80-х годах в Москве (несколько раз), его держали под контролем. Приглашали на беседу, спрашивали, что он хочет здесь. Он сказал, что просто приехал увидеть своих знакомых. Но его постоянно держали под наблюдением, все его свяжи. Под колпаком, как у нас говорят. Ведь Германия не несет ответственности за советский эксперимент марксизма оттого, что Маркс родился в Германии? Так и мы не отвечаем за Карлоса, который учился в Университете Дружбы народов, а потом стал супер-террористом.

Из прошлогоднего интервью: «КГБ всегда помогал партии в решении финансовых вопросов. Начнем с того, что многие компартии мира финансировались именно по нашим каналам. Почти в каждой зарубежной рези-

ОЛЕГ КАЛУГИН О СЕГОДНЯШНЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АГЕНТОВ КГБ ЗА ГРАНИЦЕЙ
"НЕДЕЛЯ", №3, 1992

2

дентуре был сотрудник КГБ, осуществлявший контакты с руководством местной компартии, передавал им деньги, инструкции. Снажем, Гас Холл, будучи гонимым компартии США, жил на содержании Старой площади».

Из исследования Е. Альбац: «Документ № 1 П 164 15 от 10.1.89. Компартия США передано 2000 000 3-го января (буква «П» перед номером документа означает «Политбюро»). Документ № 2 п. 6 157 251 от 3.11.87 ОП 0330 от 4.11.87. Г. Холлу сообщено о выделении 500 000 долларов».

— Но согласитесь: Советский Союз, с точки зрения западного обывателя (и политика), действительно был смертельной угрозой?

— Во-первых, потому, что его идеология была агрессивной по своей природе. Во-вторых, наши послевоенные успехи, связанные с приобретением дружественных государств в Восточной Европе (затем в Азии), широкий размах национально-освободительных движений в Африке, Азии, Латинской Америке. Все это, несомненно, ставило перед Западом определенную дилемму. Я бы не стал сбрасывать это со счетов. Ведь какой бы пропагандой мы ни занимались в США, это бесполезно. Соединенные Штаты не пойдут по социалистическому пути. Значит, должны

суть благоприятные социальные и экономические условия. Сейчас, когда идеология перестала работать, когда страна (как империя) фактически развалилась, то, конечно, угрозы сегодня со стороны Советского Союза — нет. Но есть другая угроза: международные конфликты, которые могут вылиться за пределы наших границ и поставить под угрозу интересы соседних государств.

Из прошлого года интервью: «Я учился в институте иностранных языков, потом два года провел в разведшколе. Оттуда меня направили в США на факультет журналистики Колумбийского университета. А чтобы биография была подходящей, выдали диплом филфака ЛГУ. Так я стал «гражданским лицом». Потом я снова приехал в Штаты в качестве корреспондента Московского радио в Нью-Йорке. В течение четырех лет приходилось вести репортажи из страны. А иначе и быть не могло — лопнула бы «крыша».

Из лосье «Взгляды»: Позднее, работая скромным пресс-атташе сов. посольства в Вашингтоне, Олег Калугин имел возможность (на средства нашей разведки) лагерь более шикарные приемы, чем сам посол. С тех пор Олег Данилович очень хорошо разбирается во французских и калифорнийских сухих винах (про калифорнийские сорта как-то, давая «Взгляду» интервью, заметил: «Впрочем, лоза там все равно французская»). Знает толк генерал и в еде. Любит рыбу. Предпочитает лососевые сорта и форель. Причем сам рыбак. И охотник. Кстати, Машку прочим «кстати» — его любимое словечко. И кстати же, в Америке погилась одна из его дочерей. Их у него с Людмилой Викторовной двое. Светлана и Юлия. У каждой по сыну. Старшего из внуков (11 лет) назвали в честь деду. Мальчик очень хорошо и нестандартно рисует. В школе многие знают, что он внук того самого Калугина. Зятя у Олега Даниловича разные.

Один — товарищ. Другой — офицер милиции.

— Когда могут быть опубликованы документы, касающиеся южнокорейского «Боннга»?

— Сейчас все уперлось в позицию Министерства обороны. Когда Бахатин при мне дával команду передать бумаги японцам, ему сказали, что, по просьбе Министерства обороны, все передано туда, все теперь там. КГБ к этому имело отношение только в плане сохранения секретов, это же военные операции.

— Во Франции у вас (имею в виду ваших коллег) были сильные позиции, насколько я знаю.

— В течение многих лет Советский Союз имел очень хорошую агентуру почти во всех французских головных ведомствах. Основой наших успехов была, конечно, популярность французской коммунистической партии. И вотна симпатий к Советскому Союзу после войны (после победы над фашистской Германией). Это привело к нам много добровольцев, которые хотели как можно быстрее установить социализм во всей Европе. Они решили, что будут нам помогать, работая в МИДе, полиции и где угодно. Так что это зачастую были люди очень с хорошими побуждениями, ведомые высокими идеалами.

— Самое подробное «бытское» описание методов нашей разведки — книга Баррона «КГБ». Это некий псевдоним группы агентов? Что такое или кто такой этот Баррон?

— Это реальный человек. Мне предлагали с ним встретиться. Его книга очень неточная, много фантазий. Самая (на сегодня) хорошая книга (с точки зрения фактического материала) — это работа Гордиевского. Там практически нет ошибок. За счет аналитической работы, основанной на показаниях многих беженцев из КГБ, которая сделана соавтором Гордиевского англичанином Кристофером Эндрю.

— Есть ли в Кремле заслуженные сферы КГБ?

— Есть. Там везде офисы КГБ, но им не надо прятаться, они там сидят, стоят. Практически эта организация полностью находится в руках КГБ.

— Расскажите подробней, как вас награждали. Кто — Микоян?

— Да, он вручал нам ордена, а потом председательствовал на обеде. Меня наградили орденом «Знак Почета». Обед был сидячий, банкет.

— Все понимали, что это как бы выдается вексель?

— Да, этим как бы оплачивалась лояльность при осуществлении антихрущевского переворота. В это время, повторюсь, я только вернулся из Америки, поэтому участия в этой акции не принимал. Из разведки там было 5—10 человек, остальные все были из внутренней тайной полиции.

— Назерное, подробного рода охрана (как кремлевская) существует во всех резиденциях?

— В принципе, конечно. У них, однако, размах ни в каком сравнении с нашим не идет. Вся охрана Вашингтонского Белого дома (включая полицию в форме) — 700 человек.

— А у нас?

— У нас в 9-м управлении только 1-й отдел (а там их было около десятка) — полторы тысячи человек. Только один отдел! (Мне в свое время предлагали его возглавлять, поэтому я знаю). Нигде такого отдела не найдешь. Обычно 20—30 человек.

В свое время Калугину много чего предлагали. Злые языки говорят, что — недостаточно. Оттого, мол, генерал и подался в «демократы». Не знаю, не знаю. Как бы то ни было, Олег Калугин, на мой взгляд, один из самых благодарных объектов интервью.

Евгений ДОДОЛЕВ.

ОТ РЕДАКЦИИ: в последние дни имя Калугина вновь мелькало на страницах газет: вьетнамский МИД называл ложью его заявления о допросах американских военнопленных. Однако не будем торопиться с выводами — жизнь уже не раз доказывала его правоту. Так что продолжим — увидим.

ГЕНЕРАЛ КАЛУГИН О НЫНЕШНЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КГБ ВНУТРИ СТРАНЫ
И ЗА РУБЕЖОМ

1

«Вечерняя Москва»

Четверг, 30 января 1992 года

КГБ ушел. Ушли ли его методы?

ЛИНИИ

ГЕНЕРАЛА

КАЛУГИНА

**Т
К
И
Ш
Е
В
Е
О
О**

ЗАХОД

Прошлой зимой на тесном юбилее легендарного Тельмана Гдяна не менее легендарный экс-генерал Калугин вскользь упомянул фамилию знаменитого журналиста. Олег Данилович однозначно дал мне понять, что один из самых славных мастеров совкового пера сносно выполнял (и, быть может, по-прежнему выполняет) деликатные поручения нашей тайной полиции, которая ревниво присматривала за иными репортерами на предмет их распатронивания.

Поскольку речь шла о моем неплохом знакомом, я на голубом глазу попытался с ходу урвать какие-нибудь конкретные подробности. Но бывший разведчик, похоже, все еще остается профессионалом высшей категории: желанных деталей я так и не дождался. Год спустя у нас появилась возможность вернуться к агентам-репортерам и подробно поговорить о габэшной системе дезинформации всех и вся. Крепкой системе. Надежной, как несгораемый шкаф. И столь же глубокоуважаемой.

ОПЕРАЦИЯ «СПИД»

— Я помню мощную кампанию в нашей прессе, когда советскому читателю вбивалась мысль: эпидемия СПИДа — дело рук ЦРУ. Кто разрабатывал эту акцию? Журналисты из «привлеченных»?

— Управление «А» Первого главного управления КГБ СССР.

— А кому в голову пришла такая славная мысль?

— Это творческая работа. У кого больше фантазии, выдумки, тот и снимает первые сливки. Без прессы такую кампанию, конечно, не повернуть.

— И что, нет никаких лимитов? Можно обвинить кого угодно в чем угодно? Или были установки, «мнения», пожелания?

— Идеи могут быть самые фантастические. Но если их переложить на реалистические рельсы, они могут сработать.

— Кто все-таки конкретно разрабатывал пропагандистскую операцию «СПИД»?

— Был американский отдел в помянутом управлении «А». Представьте себе. Сидит там офицер и думает, как бы скомпрометировать США или ударить по американцам путем дезинформации. Иногда такие идеи приходят в голову, потому что сама жизнь подсказывает. Вот вспыхнула где-нибудь какая-либо эпидемия. Можно всегда сказать, что американцы виноваты. Создать ситуацию, подобную той, когда колорадский жук здесь был. У нас трубили, что это диверсия ЦРУ, хотя на самом деле колорадский жук и сейчас пожирает картошку на полях Подмосковья.

— Кто-нибудь систематизирует всю эту информацию? Занимается подбором эпизодов такого рода?

— Насколько я знаю, существует книга, изданная сенатом США, называется «Активные мероприятия советской разведки». На 95% книга соответствует действительности. У нас (с моим приятелем Михаилом Любимовым) есть идея издать эту книжку в Советском Союзе. С комментариями.

— Прежде чем перейти к конкретным примерам КГБ-дезинформации, хотел бы процитировать интервью Коротича, которое я подготовил минувшей осенью: «Вопрос. В одном из ТВ-интервью Олег Данилович Калугин сказал мне, что вы отказались печатать его первые разоблачительные публикации. И сделали это под нажимом Яковлева. Это правда? Ответ. Видите ли в чем дело: Яковлев и Калугин — сокурсники. Они вместе стажировались в Колумбийском университете в конце 50-х. В начале аферы Калугина многие воспринимали его выступление как проделки Яковлева. На Александра Николаевича катили бочки: что ж ты подговорил своего старинного приятеля подвести мину под КГБ? В то время на верхних этажах власти было достаточно много людей, которые желали скомпрометировать Яковлева. Меня считали лицом, в какой-то степени близким к нему. И я боялся подставить Александра Николаевича калугинскими публикациями. Генерал-

ГЕНЕРАЛ КАЛУГИН О НЫНЕШНЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КГБ ВНУТРИ СТРАНЫ
И ЗА РУБЕЖОМ

3

майор не очень охотно открывал тайны мадридского двора на Лубянке. Если бы Олег Данилович метнул мне на стол какие-то немислимые доказательства злодейств КГБ, я бы уболтал Александра Николаевича, и «Огонек» предоставил бы слово Калугину. Но тот ограничился лишь общими обвинениями в адрес организации, которая даровала ему в свое время генеральское звание. Помнится, я всегда выводил из себя Юлиана Семенова, спрашивая его: «Что ж такого должен был сделать относительно молодой Штирлиц, чтобы получить звание полковника СД? Какие такие свинства?». То же самое можно спросить и у Калугина: за что он так рано получил столь высокое звание?». Вот такая длинная цитата. Вы могли бы прокомментировать эту ремарку Виталия Алексеевича?

— В августе 1991 года я находился в Париже по приглашению сената Франции (с Юрием Афанасьевым и редактором «Независимой газеты» Третьяковым). Представители русской эмиграции (Максимов, Зиновьев, Плющ, Буковский)

показали мне эмигрантскую газету на русском языке. Там опубликовано «мое» выступление. Якобы сделанное в Советском Союзе. Я читаю текст и — не узнаю. На меня не похоже. Я «говорю» о проблемах Украины, хотя я сам русский и украинские проблемы мне не так уж близки. Но я рассуждаю о проблемах национализма на Украине, о Бандере, о других разных покойных и живых активистах национального движения. Короче, никогда такого выступления у меня не было, я никогда не давал интервью на эту тему. И вот главное: в конце статьи, неожиданно забыв об Украине, я «заявляю»: «Вас, конечно, интересует, кто является агентами КГБ в демократическом движении? Сейчас я их всех назову: Юрий Афанасьев, Евгений Евтушенко, академик Лихачев, митрополит Винницкий (я его в жизни не видел) и — Виталий Коротич». Человек двадцать там упомянуто. Из них человек пятнадцать — видные политические деятели Украины. Когда я прочитал, понял: это типичный образец активной акции КГБ, направленной на мою личную дискредитацию в глазах демократического движения. Коротич, например, клонул. Он поверил, что это мое выступление.

— А как славная русская эмиграция?

— Не поверили. На вас, сказали, не похоже. В Москве я пришел к Бакатину и говорю: «Слушайте, я просто возбужу уголовное дело (по клевете) на КГБ». И я потребовал разгона всей этой службы дезинформации. И наказания конкретных людей за эту клевету. Бакатин со мной согласился. И сказал: «Вот негодяи. Когда я прочитал эту статью, я понял, что вы не могли это сказать». Слава Богу, умные люди и в руководстве КГБ были.

«ЕЛЬЦИН
БЫЛ ПЕРВЫМ»— Каков механизм таких провокаций?

— Маленькая газеточка, которую никто не знает (во Франции, в Индии или Японии), газета, которая субсидируется КГБ, публикует заметочку, изготовленную в КГБ или в международном отделе ЦК КПСС.

— После этого ТАСС, наше официальное телеграфное агентство, эту статью, которую никто бы и не заметил, распространяет по всему миру. Таким образом, она становится уже материалом, имеющим международное значение. Есть и другие приемы. Вот пример. В апреле 1991 года Крючков подписал у Горбачева документ, согласно которому на меня должны быть собраны любые материалы компрометирующего характера. Для того чтобы меня арестовать и осудить как агента американской разведки! В одном документе по моему делу написано, в частности: «...взять в глубокую разработку <Калугина> как человека, наносящего серьезный ущерб вопросам безопасности и взаимоотношениям между СССР и другими государствами». И дальше — «доложено президенту Горбачеву, согласие его имеется. Крючков». Еще пример. Когда проходили в Москве (в этом же году) демонстрации в поддержку компартии и социализма (это было в течение предавгустовских месяцев), там многие демонстранты несли плакаты: «Яковлев — агент мирового сионизма». «Яковлев — агент ЦРУ». Все эти документы были изготовлены в КГБ! На печатных станках КГБ.

— Вы не располагаете какими-

нибудь документами, которые подтверждают, что руководство госбезопасности боролось с противниками «лигачевской линии»?

— В 1989 году (четыре года перестройки прошло) Крючков подписал приказ (этот документ, возможно, будет опубликован), в котором записано: «Главная задача КГБ на предстоящий период — не допустить создания политической оппозиции в СССР. С этой целью органы КГБ должны принять все меры для дискредитации руководителей демократического движения, срыва их планов и замыслов, недопущения всякого рода демонстраций, митингов». Далее изложена целая программа действий: что должно делать КГБ, чтобы не допустить создания политической оппозиции коммунистической партии. Шел восемьдесят девятый год. Когда все говорили о плюрализме. Это все была липа, ложь. Этот документ, совершенно секретный (мы его лишь недавно читали с депутатом С. Белозерцевым). Мы должны обязательно опубликовать все это в советской печати.

— Примеры дискредитации заметных руководителей демократического движения?

— Первым был Ельцин, над дискредитацией которого трудились с самого начала. Начиная с итальянской газеты «Република». Западную прессу, как видите, подключи-

ГЕНЕРАЛ КАЛУГИН О НЫНЕШНЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КГБ ВНУТРИ СТРАНЫ
И ЗА РУБЕЖОМ

ли. Фильм, который сняли в США. Люди самые разные, в том числе, что Борис Николаевич ненормальный человек. Есть документ (распространялся по всем иностранным посольствам), что Ельцин психически неустойчивый человек и нельзя ему вручать в руки судьбу страны. Написано от имени врача, который, якобы, читал его, Ельцина, медицинское заключение. Или, допустим, Гавриил Харитонович Попов. Его обвинили в том, что он нечестен, неэкономист, дачу купил за государственный счет. И прочую ерунду. О Собчаке писали, что он связан с кооператорами. О Калугине писали, что он, возможно, связан с ЦРУ, развалил советскую разведку и предал ценных «источников» (агентов за границей), которые сейчас, мол, сидят в тюрьме из-за него.

— Где были эти публикации? Какие издания стреляли с подачи ГБ?

— «Правда» писала. «Советская Россия» и «Красная звезда».

— Операции по дезинформации продолжают до сих пор?

— Конечно, до августа они продолжались. Сейчас я не знаю.

ГБ-ЖУРНАЛИСТИКА

— Вы как-то заметили, что «Шпигель» использовался Комитетом для прокачки своих акций. Ваше заявление какое-нибудь развитие получило? Немцы прореагировали как-нибудь?

— Я им предложил со мной встретиться в Германии. Давайте, говорю, в Берлине встретимся. Но никто из них в Берлине не появился, хотя меня там снимало Центральное телевидение Германии (мы гуляли с бывшим директором ЦРУ

Колби по парку, и нас там все время снимали). Я могу сказать, что в ФРГ не было ни одной структуры мало-мальски серьезной, в которой бы не было наших агентов. Начиная с офиса канцлера и кончая военным министерством. И если бы обошли «Шпигель», я бы на их месте просто обиделся. Это раз. Во-вторых, лучше всего об этом знают разведчики «Штази» (бывшей службы безопасности бывшей ГДР), потому что в 70-х годах у них была агентура на довольно крупном уровне.

— Какова задача агентуры, внедренной в «Шпигель»?

— Во-первых, получать через них информацию о политических проблемах и тенденциях в стране. Во-вторых, есть возможность размещать свои материалы в журнале, потому что если публикует «Правда» — одно отношение, если «Шпигель» — совсем другое. КГБ в Москве культивировал многих иностранных журналистов. Всех. «Шпигель», «Тайм», «Ньюсуик» и т. д. Другое дело, не со всеми получалось. Любой журналист, работающий в Москве, вынужден поддерживать какие-то отношения с властью, иначе власть не даст ему возможность получить интересное интервью, поехать в закрытый район. Если он хочет получить эксклюзивную информацию, он должен тоже что-то дать взамен. Это нормальный процесс — «вы мне,

я тебе». К «Шпигелю» неоднократно подбирались (в этом смысле). Не обязательно при этом быть агентом, совершенно нет, просто надо быть в таких взаимоотношениях, когда тебя могут использовать для помещения выгодной государству информации. Или дезинформации, чем наш КГБ всю жизнь и занимался.

— Очень многие сожурналисты сотрудничают с КГБ, насколько я знаю.

— Конечно, я мог бы назвать некоторых. Но... Я противник называния фамилий. Это не вносит позитивного элемента в нашу общественную жизнь, создает скорее атмосферу подозрительности, раздражения и обид.

— И все-таки?

— Недавно скончавшийся знаменитый политобозреватель «Правды», например, сотрудничал с нами еще с 30-х годов. Он у меня лично был на связи, когда приезжал в Вашингтон.

— Вы не считаете, что очень часто наша спецслужба дезинформирует людей, распускает слухи про известных людей (например, о Глазунове, Евтушенко и т. д.), что они сотрудничают с КГБ?

— Это распространенная форма дезинформации, совершенно верно. Обо мне распускались слухи, что я агент ЦРУ и одновременно агент КГБ, засланный в демократическое движение. В результате создается у публики впечатление: монстр. Или нечистоплотный человек. В этом смысле дезинформация — убить репутацию. Вот и Евтушенко в ту же струю попал.

— Как вы относитесь к новому главе московской госбезопасности Евгению Савостьянову?

— С уважением. Мне кажется, что он человек интеллигентный. У него здравый ум, он взвешен в своих решениях, опирается на опытных квалифицированных людей. Человек без военной косточки, это верно. С другой стороны, если человек интеллигентный и умный, он иногда умеет преодолевать свою натуру.

ГЕНЕРАЛ КАЛУГИН О НЫНЕШНЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КГБ ВНУТРИ СТРАНЫ
И ЗА РУБЕЖОМ 5

— А к новому шефу совразведки?

— Примаков — академик. Академик — это уже о многом говорит. Он весьма эрудирован, знает прекрасно международную проблематику, человек гибкий, это его очень большое достоинство. Мы с ним знакомы лет тридцать, я могу о нем судить совершенно свободно. Например, у меня были ситуации, когда мы вместе ужинаем, и с нами сидит резидент КГБ (мой знакомый) и порет чушь. То есть он говорит такую ерунду о ближневосточных проблемах и путях их решения, что страшно становится! Я хоть и неспециалист, но достаточно разбираюсь в этих проблемах. Я с ним поспорил немного, но понял, что с ним бессмысленно говорить. А вот Евгений Максимович сидел и часа полтора терпеливо слушал, пытался переубедить моего коллегу. А после ухода резидента сказал: «Что поделаешь, надо быть терпеливым».

Наверное, прав академик. Надо. И, как мне кажется, у большинства моих коллег неплохо получается, репортеры в этой стране преуспели в искусстве терпеть. Потерим еще немного, и, быть может, когда-нибудь обещанные архивы плеснут на страницы газет имена журналистов, которые так же, как и бывший пресс-атташе совпосольства в США Олег Калугин, успешно работали на ГБ. Только — в отличие от знаменитого Генерала — внутри своей страны. Своих редакций. И семей.

Евгений ДОДОЛЕВ.

Фото А. НАТРУСКИНА.
С. ТЕТЕРИНА.

Почему Молотов обиделся на наш журнал

Берджес

Маклин

Имена Дональда Маклина и Гая Берджеса, которые в 1951 году бежали в Москву, первым в советской печати назвал журнал «Новое время». В № 40 за 1953 год анонимная заметка, опубликованная под рубрикой «Против дезинформации и клеветы», клеймила рыцарей «холодной войны» и мошенников капиталистической прессы, утверждавших, что Берджес и Маклин в Москве и что за Дональдом Маклином последовала его жена Мелинда.

Это сообщение, писало «Новое время», «вызвало веселое оживление в нашей редакции, где о Маклине и Берджесе знают только по визгивым рассказам западной печати».

В Лондоне решили, что советское руководство устроило очередную пропагандистскую игру, и ошиблись. Статья о Берджесе и Маклине была инициативой редакции. Привычка давать отпор Западу на сей раз подвела журналистов. На следующий день после выхода номера главному редактору позвонил разгневанный Вячеслав Молотов: «Кто вам поручал делать такие заявления?»

Только в 1956 году Москва официально признала, что Берджес и Маклин получили убежище, но еще долго отрицала их работу на советскую разведку.

Гай Берджес, который получил паспорт на имя Джима Андреевича Элиота, просил у КГБ разрешения вернуться в Англию, но этого никто не хотел. Дональд Дональдович Маклин спокойно работал в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР до самой смерти.

Искусствовед ее величества

«Мне доставляло огромное удовольствие сообщать русским имя каждого сотрудника британской контрразведки». Эта фраза принадлежит Энтони Бланту, крупному британскому искусствоведу. С 1940 года он служил в контрразведке и одно время был офицером связи при штабе объединенных сил союзников. В 1945-м в поверженной Германии он выполнял особое задание королевской семьи, после чего стал хранителем королевской галереи.

Энтони Блант был элегантным, очаровательным и бесконечно образованным человеком. Он

знал пять языков. Занимался не только искусством — первую научную степень в Кембридже он получил по математике.

В 1956 году он получил дворянский титул, хотя

его уже подозревали в шпионаже. В 1964 году он признался — в обмен на освобождение от наказания. Правительство сочло, что не располагает достаточными уликами для уголовного преследования, и обещало Бланту держать его в секрете и не мешать его искусствоведческой деятельности.

Занятия искусством вознесли Бланта на невиданную высоту, и он не желал ни бежать в Москву, ни сидеть в тюрьме.

В 1979 году Маргарет Тэтчер вынуждена была признать, что правительству известна шпионская деятельность Бланта. Он был лишен дворянства.

ВОСПОМИНАНИЯ О ПЯТИ БРИТАНСКИХ РАЗВЕДЧИКАХ, РАБОТАВШИХ
НА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

"НОВОЕ ВРЕМЯ", №5, 1992

С Е К Р Е Т Н Ы Е С Л У Ж Б Ы

«Пятого знаю только я»

Полковник КГБ Юрий Модин рассказывает о лучших агентах советской разведки

На вопросы «НВ» отвечает бывший помощник резидента советской разведки в Англии.

— Сколько лет вы проработали в разведке?

— Сорок пять. В 1940 году я пошел на флот, поступил в Ленинградское высшее инженерно-строительное училище военно-морского флота, там меня застала война. Некоторое время находился в блокаде. В 1942 году я по приказу Сталина переведен в пехоту. По дороге в Сталинград меня мобилизовал НКВД. Узнали, что я немного знаю английский, еще подучили и направили в разведку.

— Последняя ваша должность в разведке?

— Заместитель начальника научно-исследовательского института разведки.

— Все сорок пять лет вы работали на английском направлении?

— Я занимался англоязычными странами, скажем так. Двадцать с лишним лет — только Англией.

— В Лондоне вы работали под официальной «крышей»?

— Я провел в Англии в общей сложности десять лет. С 1947-го по 1953-й и с 1955-го по 1958-й. Работал в посольстве, прошел путь от атташе до первого секретаря.

— Вы покинули Англию, когда закончился срок командировки или британские власти поторопили вас с отъездом?

— Никаких претензий ко мне не было. Но в дальнейшем мое имя всплыло. На меня дали показания.

— Кто?

— Трудно сказать. Точно знаю, что Энтони Блант, который с 1951 года подозревался в связи с советской разведкой, назвал мое имя только в 1964-м. Но думаю, что британская контрразведка знала обо мне значительно раньше, но от кого именно...

Ким Филби,
Дональд
Маклин, Гай
Берджес,
Энтони Блант...
В Москве этих
людей считают
выдающимися
разведчиками.
В Лондоне —
предателями,
гомо-
сексуалистами
и алкоголиками

— С кем из пяти самых крупных советских агентов на Британских островах вы работали?

— Лично работал с четырьмя из них, в основном с Энтони Блантом, Гаем Берджесом. Меньше с Филби — во время моей командировки в Лондон он был в Турции, затем в США.

— Соответственно с Кимом Филби работала советская резидентура в Вашингтоне?

— Этого я не знаю. Все полагали, что Филби со временем, вероятно, станет начальником английской разведки, и боялись его расшифровать, от личных встреч по возможности отказывались. Задания передавались ему через Берджеса. Они дружили еще со студенческих лет. А с Дональдом Маклином я дел не имел. Мы знали друг о друге, но не встречались.

— Значит, эти люди не составляли единой разведгруппы?

— Нет, практически каждый из них работал самостоятельно.

— Как часто вы встречались со своими агентами?

— По мере необходимости. Но не чаще раза в месяц. Имелись, конечно, и возможности для срочных встреч.

— Неужели так редко происходила передача информации?

— Все зависело от обстановки. Когда после войны заседал Совет министров иностранных дел стран-победительниц — то в Лондоне, то в Париже, то в Москве, — информация была нужна постоянно, и иногда мы встречались два раза в день. Бывало, Молотов читал секретные материалы наших партнеров раньше, чем главы их делегаций. Но в обычных условиях вполне достаточно встречаться раз в месяц.

— Это означает, видимо, что они получали масштабные задания?

— Это так. Но надо помнить, что разведчики — агенты «пятерки» были высоко-

ВОСПОМИНАНИЯ О ПЯТИ БРИТАНСКИХ РАЗВЕДЧИКАХ, РАБОТАВШИХ
НА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ"НОВОЕ ВРЕМЯ", №5, 1992

— Они согласились работать не на разведку, а принять участие в секретной борьбе против фашизма в рамках одной из организаций Коминтерна. Они смотрели на Россию как на форпост мировой революции.

— Они действительно были коммунистами?

— Да, хотя и не в привычном для нас понимании этого слова. Они происходили из аристократических семей и не порывали отношений со своим классом. Но учились у преподавателей, известных своими марксистскими взглядами. Тогда это даже считалось модным. Берджес открыто заявлял о своей принадлежности к компартии и изучал Маркса. Он блестяще знал историю советской компартии. Блант своих взглядов не афишировал, но пришел к марксизму через свой предмет — историю искусства.

— Как это?

— Он полагал, что искусство в нашу эпоху гибнет из-за отсутствия меценатов, какие существовали в эпоху Возрождения. Рыночные отношения — смерть искусству. Его могут спасти только дотации социалистического государства. Маклин пришел к коммунизму через слож-

ную комбинацию чувственного восприятия тяжелого положения рабочих-шотландцев, национализм и личную склонность к проповеднической и благотворительной деятельности.

— А Филби?

— Студент Филби был левым социалистом. Университетский преподаватель свел его с французскими коммунистами. Те узнали, что Филби был казначеем социалистического общества в Кембридже, и сделали его казначеем Международной организации помощи рабочим и отправили в Австрию. В 1934 году во время восстания рабочих в Вене он воочию увидел, что представляет собой фашизм. Впечатления от этого остались у него на всю жизнь.

— Он был первым, кто стал работать на советскую разведку?

— Да. В Вене к нему присмотрелись и решили, что он человек надежный.

— Офицер-вербовщик и не подозревал тогда, какой точный выбор он сделал. Кстати, кто завербовал «пятер-

ку»: один человек или разные люди?

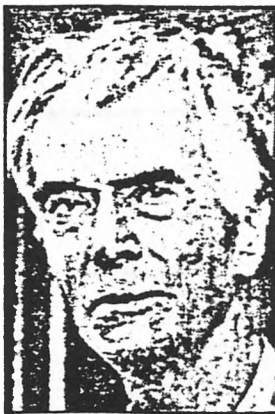
— Это очень сложный вопрос. Офицера-вербовщика не было. Были разные люди, в том числе друзья, которые постепенно вносили точность и ясность в характер отношений. Претензии некоторых людей, уверяющих, что они завербовали «пятерку», несостоятельны. Достоверно только одно: существенную роль сыграли советские разведчики — венгр Теодор Мали, австрийский еврей Арнольд Дойч, знакомые сокурсники и приятели.

— Они работали нелегально? Какова их дальнейшая судьба?

— Мали работал и легально, и нелегально. В 1937 году его отозвали в Москву. Он знал, что его ждет, и действительно был расстрелян. Дойч успешно работал в качестве нелегала до второй мировой войны. В 1942 году его направили на работу в Америку. Он отплыл на пароходе «Донбасс», который был торпедирован немецкой подводной лодкой. Спасшиеся рассказали, что после попадания торпеды упала мачта и переломала Дойчу ноги. Спасти его вряд ли мог. Интересно, что в Ав-

Загадка остается

«Если меня считают пятым, то так оно, наверное, и есть», — сказал журналистам 78-летний Джон Кэрнкрос. Шотландец из рабочей семьи, он сумел поступить в Кембридж, где не скрывал своих коммунистических взглядов. Он работал в министерстве финансов, а в годы войны в центре дешифровки. В 1939 году польские агенты доставили в Лондон шифровальную машину «Энигма», которой пользовался вермахт. Пять с половиной лет английские шифровальщики читали самые секретные документы рейха. Но Черчилль запретил делиться информацией с союзниками, чтобы немцы не дога-

дались о своем провале.

Кэрнкроса стали подозревать в 1951 году, когда в брошенной квартире Берджеса нашли материалы из министерства финансов. Кэрнкрос

признал, что передавал Берджесу некоторые сведения, но несекретные. Ему разрешили покинуть Англию, с тех пор он живет на юге Франции. Кэрнкрос всегда утверждал, что его завербовал Джеймс Клугман, активист компартии Великобритании.

Многие годы британская контрразведка пытается узнать, кто был пятым. Возможно, сейчас Кэрнкрос назван, чтобы англичане успокоились. Возможно, он действительно входил в число самых ценных агентов, и отрицать это бессмысленно, поскольку Олег Гордиевский после бегства на Запад назвал его фамилию. Возможно, пятого никогда не было.

ВОСПОМИНАНИЯ О ПЯТИ БРИТАНСКИХ РАЗВЕДЧИКАХ, РАБОТАВШИХ
НА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

"НОВОЕ ВРЕМЯ", №5, 1992

3

Шпионаж как наслаждение

Филби с женой в Москве

Гарольд (Ким) Филби был рожденным разведчиком; чье имя сохранится в истории секретных служб. С 1939 года он служил в британской разведке, успешно делая карьеру. В отличие от своих товарищей он не был гомосексуалистом и скрывал коммунистические убеждения. Он, несомненно, наслаждался своей ролью человека, который водит за нос крупнейшую разведку мира, и дорожил похвалами, отпускаемыми ему в КГБ. Он достиг вершины своей карьеры в 1945-м, возглавив отдел, работающий против Советского Союза.

Впервые угроза возникла для него, когда сотрудник советской резидентуры в Турции Константин Волков встретился с британским консулом и попросил политического убежища, обещая взамен назвать имена трех высокопоставленных советских агентов, двое из которых работают в МИД Англии, а третий в разведке. Шифровка из Стамбула легла на стол Филби, и он сообщил о ней своему связному. КГБ немедленно вывез Волкова в Москву.

Британское правительство, лояльное к своим соотечественникам, и после побега Берджеса и Маклина отстаивало невиновность Филби. Ему разрешили уехать в Ливан, откуда в 1962 году он бежал в Москву. Здесь его прекрасно встретили, присвоили звание полковника, вручили ордена. Но его третья жена Элеонора, последовавшая за ним в Москву, написала в воспоминаниях, что Филби сильно пил и «отбил жену у Дональда Маклина, страдавшего импотенцией».

квалифицированными политиками. Они и без наших или моих указаний знали, что актуально, а что нет, какая внешнеполитическая проблема требует дополнительного освещения, а какая нет. И мое вмешательство иногда было вредным. Однажды из центра было получено указание дать информацию по какому-то вопросу англо-американских отношений. Я просил Берджеса сделать это. Он обещал, но подчеркнул, что дело запутанное, вызвало огромную переписку и лучше, если он сам напишет краткую

справку. Я по глупости отказался и просил принести все документы. Берджес сделал это. Ни я на месте, ни центр не в состоянии были разобраться и в конечном счете вынуждены были просить Берджеса разъяснить положение дел и внести ясность.

— Хороша же была система безопасности, если из здания министерства иностранных дел Великобритании можно было преспокойно вынести массу секретных документов?

— В Англии верят своим чиновникам и в принципе, по моему, правильно делают. То, что «пятёрка» работала на нас, — историческая случайность. Доверие же является залогом эффективной работы.

— О Филби, Берджесе, Маклине, Блавате написаны десятки книг. И все-таки нет единого ответа на главный вопрос: почему они согласились работать на советскую разведку?

ВОСПОМИНАНИЯ О ПЯТИ БРИТАНСКИХ РАЗВЕДЧИКАХ, РАБОТАВШИХ
НА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

"НОВОЕ ВРЕМЯ", №5, 1992

— С кем-то из бежавших в Москву вы поддерживали отношения?

— С Филби. Он прижился у нас. Консультировал нашу разведку, натаскивал молодых разведчиков.

— А как отвесились в пуританской Москве к Берджесу с его гомосексуальными наклонностями?

— Ему сказали, что у нас строгие законы на этот счет и их надо выполнять. Тем не менее он как-то выходил из положения.

— Он быстро умер в Москве.

— Берджес, интеллектуал высшей марки, мог жить только в Лондоне, и больше нигде. Ему позарез надо было вечером, часов в семь, зайти в пивную... Нет, в Москве он жить не мог. Берджес был заводной, хулиган. В Лондоне я купил ему машину — так удобнее было встречаться: Однажды он

меня прокатил на такой скорости, что больше я к нему в машину не садился. В Ирландии во время отпуска он насмерть задавил человека. Вывернулся, везде полным-полно дружков, любую дверь открывал ногой, ему все прощали. Во время другого отпуска поехал на Гибралтар, там у него были старые приятели — резиденты британской разведки и контрразведки. Оба оказались проамериканскими настроенными. Так он подрался с ними. Те пожаловались. В Лондоне друзья-приятели дело замяли.

— Вам часто приходилось его распекавать?

— Нет, наоборот. Я нашел к нему ключик. Когда мы встретились, я сказал: «Гай, я молодой человек, мало что знаю, а ты опытный разведчик, помоги мне вести дело». Он буквально воспарил. Я придавал большое значение установлению дружеских отношений с агентами.

— А ваше начальство ценило всех этих людей?

— Всех. Название «пятерка» они получили во время войны. Было очень много разведывательной информации, а обрабатывать было некому. Сидели до трех ночи, а все равно не справлялись. Тогда начальство приняло решение выделить пятерых наиболее ценных агентов и их материалы поручило обрабатывать в первую очередь. А материалы других агентов часто так и оставались неразобранными.

— В чем все-таки была ценность их информации?

— Частично до войны, во время войны и в послевоенный период советское руководство знало практически все о намерениях и замыслах западных держав во внешнеполитической области и о конкретной деятельности спецорганов против Советского Союза. А кто вас спас во время Курской битвы? Тот агент, который передавал информацию, перехваченную англичанами, которые научились расшифровывать немецкие коды. Передал и сведения о количестве дивизий, и толщину брони нового танка «тигр». Причем эта информация поступила месяца за три до начала сражения. Если бы не эти данные, мы бы Курскую битву проиграли, а она решила исход войны. Одна такая информация окупает все расходы на внешнюю разведку.

— Это был один из «пятерки»?

— Да. Пятый, чье имя я не могу пока назвать.

— Тогда это Джек Кэрнкрос, работавший в годы войны в британском центре радиоперехватов и дешифровки? В конце прошлого года он признался, что был пятым.

— Откуда он может знать: пятый он или нет? Пятого знаю только я. И несколько моих коллег по разведке.

Беседу вела
Леонид Млечин,
Татьяна Чернова

ВОСПОМИНАНИЯ О ПЯТИ БРИТАНСКИХ РАЗВЕДЧИКАХ, РАБОТАВШИХ
НА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

"НОВОЕ ВРЕМЯ", №5, 1992

стри, под Веной, есть памятник, установленный якобы на могиле Арнольда Дойча, расстрелянного гестапо за разведывательную деятельность в 1942 году.

— Вернемся к завербованной Мали или Дойчем «пятерке». Увлечение идеями мировой революции не могло быть продолжительным. В какой-то момент они должны были наконец осознать, что работают на разведку чужого государства, что, вообще говоря, не очень патристично.

— До войны помогали России, потому что верили, что наша страна — единственный бастион против фашизма. А когда началась война, они и вовсе сочли своим долгом помогать нам, тем более что видели, что США и Англия не очень-то строго выполняют свой союзнический долг. Но повторю: они не столько работали на Россию, сколько сражались против фашизма. И они отнюдь не были в восхищении от того, что происходило в Советском Союзе, в частности считали совершенно негодной нашу внешнюю политику. Они, кстати, не давали нам материалов, которые могли бы нанести ущерб Англии. Информация их в основном касалась внешней политики.

— Но Филби выдавал своих агентов.

— По его словам, он выдал сотни агентов, которые засылались в Советский Союз, Албанию, страны народной демократии. Их засылка была совместным делом англичан и американцев и производилась отнюдь не в благотворительных целях. Когда Филби говорили: из-за вас погибло столько людей, он отвечал: война есть война. А что он

еще мог сказать, ведь отрицать эти факты невозможно. Гибли люди с обеих сторон.

— Действительно ли число засылавшихся агентов измерялось сотнями?

— Конечно, засылка шла массовым путем. После войны американцы и англичане отправляли своих агентов на Украину, Северный Кавказ, в Армению, туда, где была какая-то база.

— В британской литературе, посвященной «пятерке», все они представлены в самом неприглядном свете: алкоголики, гомосексуалисты. А вы какими их увидели?

— Я восхищался Филби. Он был своеобразным человеком, но все его любили. Филби обладал способностью безошибочно анализировать любую проблему и предлагать единственно верное решение. Этим он сделал себе карьеру в разведке: какое дело ему ни поручат, все получается. Остальные в экстремальной ситуации обращались всегда к нему. Думаю, Филби за свою жизнь не сделал ни одной ошибки. По существу, был пойман и все равно вывернулся.

— Почему же все-таки они провалялись?

— Американцам удалось расшифровать одну из телеграмм советской разведки и на основании анализа ее содержания через несколько лет установить личность советского разведчика-агента. Им был Дональд Маклин. Филби в силу своего служебного положения узнал об этом и направил Берджеса в Лондон предупредить об этом Маклина и нас.

— И тогда было принято решение вывезти Маклина в Советский Союз?

— Нервное напряжение за десятилетия работы сказались на Маклине. Только что он прошел курс лечения от алкоголизма. Его назначили начальником американского департамента в МИД. В Вашингтоне, зная его антиамериканские настроения, сопротивлялись этому назначению. Но в Лондоне хорошо относились к Дональду — сын министра в правительстве Болдуина, он принадлежал к касте «своих». В Англии это всегда имело определяющее значение. Но Маклин сразу предупредил Берджеса: если меня арестуют, я расколось, нервов не хватит выдержать допросы. Значит, Маклина нужно было вывезти. Но отправлять его одного не решились. Надо было ехать через Париж, с которым у него были связаны самые романтические воспоминания. Там он начинал дипломатическую службу, женился. Попадет в Париж — напнется. Напнется — поймут. Сопроводжать его поручили Берджесу.

— И жертвой пал Филби.

— Конечно, мы потеряли редкостную возможность провести своего агента на должность начальника британской разведки. Но другого выхода не было.

— А Блант?

— Я предупреждал его, что он тоже может попасть под подозрение. И по указанию центра предложил ему бежать. Блант отказался, сказав, что у него крепкие нервы. Сначала его действительно не тронули. Но потом, когда стало ясно, что Берджес не просто исчез, а бежал вместе с Маклином, начали допрашивать Бланта. Допрашивали до 1963 года, двенадцать лет, и он ничего не сказал. Только после смерти Берджеса, когда тому уже ничего не могло повредить, Блант сознался, что был советским разведчиком.

— Что именно он рассказал?

— Стенограммы у нас нет. Но знаем, что о себе он рассказал далеко не все и не выдал никого.

СТОЛИЦА № 7 (65)
1992

**Валентин
КОРОЛЕВ,**

подполковник КГБ
запаса

ЧК

ВСЕГДА ЧК

Мемуарная «Недописанная книга» В.Бакатина явно должна быть дополнена главой о четырехмесячном пребывании автора на постах председателя КГБ СССР и руководителя Межреспубликанской службы безопасности (МСБ), предшествовавшем его отставке 19 декабря 1991 года, что внешне производило впечатление «простых» кадровых перетасовок в чекистской иерархии.

Фото Э. Кудрявického

Что напишет он в ней о лукавстве нашего времени и своих подчиненных? В интервью «Известиям» (№ 1 от 2.01.92) он признал, что не был в КГБ «своим», и посоветовал на то, что «пришел один. Или почти один».

«В условиях КГБ сразу нужна своя команда», — утверждал Бакатин. И ошибался. В КГБ, как, впрочем, и в МВД при определенных обстоятельствах никакая команда не спасет. Будучи министром внутренних дел СССР, он тоже ее не имел, но неплохо держался за счет того, что не занимался там активной борьбой с коррупцией, не сокращал штаты, а пытался укрепить материальное положение подчиненных и техническую базу МВД. Это выгодно отличало его положение от того, в котором в начале перестройки оказался генерал В.Федорчук, переведенный еще генсеком Ю.Андроповым с поста председателя КГБ СССР на должность министра внутренних дел для чистки коррумпированного милицейского ведомства.

Вместе с Федорчуком на руководящие должности в органы МВД были назначены многие сотни сотрудников

дискредитировал органы МВД в глазах советской и мировой общественности».

Хотя в КГБ Федорчука тоже не любили — за консерватизм и фельдфебельские замашки, — но с этим решением инстанций там не согласился никто. Мало кто знал о заговоре против министра и о договоренности с одной из преступных групп об убийстве Федорчука в случае, если его не удастся снять с должности с помощью связей мафии в высших эшелонах власти. Свидетельствовавшие об этом материалы кисти в сейфах управления «В» Третьего главка КГБ и «наверху» не докладывались. Зато потом «в низах» еще долго говорили о том, что некоторые из уволенных Федорчуком генералов и полковников МВД вернулись в министерство после его отставки, в то время как многие из пришедших с ним туда чекистов были дискредитированы и изгнаны «без выходного пособия». Это — МВД.

Был ли заговор против В.Бакатина в МСБ? Наверняка был как часть заговора против демократии в целом.

Многие руководители контрразведки были разочарованы провалом ГКЧП и последующим четвертованием ключевой суперспецслужбы. Причем Бакатин выступил здесь в роли палача той организации, которая позволяла генералитету фактически управлять страной за счет монополии на информацию, предоставляемую «наверх». Дробление же КГБ на несколько самостоятельных спецслужб лишало генералов этой монополии и повышало их личную ответственность, что было чрезвычайно скорым изобличением в некомпетентности. От нее всегда страдали профессионалы «в низах» ведомства, но за стенами КГБ некомпетентность руководства была практически неощутима в силу режима тотальной секретности.

Возглавив КГБ после августовского путча, Бакатин получил не только возможность лицезреть некомпетентность, но и полномочия избавиться от нее эту организацию. Поэтому он не мог стать в ней «своим»: генералам необходимо было избавиться от него прежде, чем он получит доказательства их несоответствия занимаемым должностям. И то, что он «отмазал» их от «дела ГКЧП», его не спасло.

Избавиться — это не всегда убить. Есть и другие методы устранения негодных. Один из них — дискредитация противника как непрофессионала в профессиональной среде. Применить его в борьбе с Бакатиным было легче легкого. Ему, не знакомому с психологией чекистской среды, надо было просто не мешать делать то, что он считал нужным.

Обвальное увольнение сотрудников МСБ, не сопряженное с комплексом не-

КГБ, с помощью которых он за короткий срок уволил десятки тысяч милиционеров за связь с преступным миром. Оказавшиеся в числе «пострадавших» генералы организовали против министра заговор, в результате которого в начале 1986 года Федорчук был отправлен в отставку. На предшествовавшем ей заседании Политбюро ЦК КПСС восторжествовало мнение, что Виталий Васильевич «своей кадровой политикой

обходимых мероприятий по их трудоустройству, сразу же подорвало авторитет Вадима Викторовича даже в глазах тех подчиненных, которые во время путча если не защищали демократию открыто, то хотя бы сочувствовали ей. Неопределенность настоящего и страх перед будущим заставили многих все-таки задуматься об уходе в мир организованной преступности и создании собственной — чекистской — мафии из числа уволенных и оставшихся на службе. Тем более что в сфере экономики, бизнеса такая мафия уже существует.

Еще одним ударом по престижу Бакатина в структурах бывшего КГБ стал провал его попыток спасти учеты агентуры и оперативных дел, находившихся на территории тех республик, которые заявили о своей независимости и роспуске органов КГБ.

Передача американцам документации по оборудованию подслушивающей техникой нового здания посольства США в Москве была последней каплей, переполнившей чашу терпения чекизма.

Страсти внутри спецслужб накалились. Там был создан Общественный комитет обеспечения государственной безопасности, обвинивший Бакатина в предательстве. Средства массовой информации факт создания этой организации практически не комментировали. И почти никто не обратил внимания на заявление народного депутата СССР С.Белозерцева о том, что генералы КГБ, МВД и Минобороны устраивают на своих дачах сходки, на которых обсуждают планы нового государственного переворота. Поскольку Бакатин не отменил ни одного андроповского приказа, в том числе запрещающего оперативную проверку сигналов в отношении номенклатуры, ни один агент и ни одно подслушивающее устройство не зафиксировали ни этих сходок, ни разговоров, которые на них велись. Я предполагаю, что решение о создании Министерства безопасности и внутренних дел (МБВД) России за счет слияния МСБ, Агентства федеральной безопасности (АФБ) и МВД было принято на одной из них.

Реализовавший идею создания МБВД Указ Б.Ельцина № 289 от 19.12.1991 г., отмененный впоследствии на основании постановления Конституционного суда от 14.01.1992 г. как неконституционный, был такой же издержкой российской демократии, как и угроза аппарата Б.Ельцина о возможном пересмотре границ России с другими независимыми государствами, как и заявления самого президента о принадлежности всего Черноморского флота его стране и о создании автономного района для немцев Поволжья на полигоне. Во всем этом чувствовались

не только волюнтаристские наклонности бывшего партийца, но и почерк офицеров действующего резерва крючкотовского КГБ, прилипших к аппарату «Белого дома» в качестве помощников и консультантов.

В КГБ никогда толком не умели выявлять иностранную агентуру, но в искусстве интриги чекистам равных не было и нет. К тому же они давно уже не ощущали недостатка в компроматериалах на милицейскую номенклатуру, что снимало все трудности в привлечении ее к работе над «проектом МБВД». Излюбленный чекистский метод пакостить чужими руками проявился в том, что в роли автора текста и толкача Указа о создании МБВД выступил тогдашний министр внутренних дел В.Баранников. И неудивительно, что именно он, а не чекистский генерал был назначен министром МБВД, а после скоростной кончины этого еще не оперившегося ведомства — генеральным директором АФБ, то есть главным контрразведчиком России. Объяснить эти метаморфозы поддержкой Виктором Павловичем Б.Ельцина в дни августовского путча так же невозможно, как умалить аналогичные заслуги В.Бакатина и тогдашнего шефа АФБ В.Иваненко. Складывается впечатление, что Бакатин и Иваненко отторгнуты старой Системой как в определенном смысле инкомыслящие. Именно в определенном смысле, поскольку бережно сохранили для своих преемников плоды андроповского внутриведомственного законотворчества и делали то, чего как прогрессисты и принципиальные люди не должны были делать.

По информации источников в МСБ, незадолго до подписания Ельциным Указа № 289 сотрудники МСБ и АФБ уничтожили дела оперативных проверок и разработок на коррумпированную милицейскую номенклатуру, а после его подписания сожгли личные и рабочие дела агентов из числа сотрудников органов внутренних дел. В МВД не осталось ни одного агента контрразведки. Значительная часть другой агентуры, использовавшейся чекистами в борьбе с организованной преступностью, попросту отказалась от сотрудничества с контрразведкой, над которой возвысились милицейские чины.

Мафия бесконтрольна. Для того чтобы заново организовать борьбу с ней хотя бы на прежнем уровне, потребуется как минимум полтора года. Цена Указа № 289 — в крови будущих жертв организованной преступности, которая несмываемым пятном позора ляжет на Баранникова и всех, кто стоял за его спиной, разрабатывая и реализуя «проект МБВД».

Назначенный в МБВД заместителем Баранникова по сектору безопасности генерал КГБ А.Олейников, проводя 2

января совещание чекистского руководства, был озабочен другим, а именно проявлениями свободомыслия и гласности в стране, в том числе в стенах новорожденного министерства. Поэтому, как и подобало достойному ученику генерал-полковника В.Алидина (бывший начальник УКГБ по г. Москве и Московской области, доверенное лицо Л.Брежневца, Ю.Андропова и В.Гришина), он вмазал три «горячих» в лоб утомившей его демократии: приказал начальнику Инспекторского управления провести служебное расследование по каждому факту протеста чекистов против создания МБВД; руководителям учетно-архивных подразделений — закрыть хранилища документов от общестественности и средств массовой информации, а сотрудникам центров общественных связей (ЦОС) прекратить предоставление журналистам какой бы то ни было информации.

Реакция зала на эти указания была неожиданной. Олейников был захопан подчиненными, что свидетельствовало о серьезных расхождениях мировоззренческих позиций Анатолия Аввакумовича и профессионалов-прогрессистов, которых собрал в АФБ вдруг оставшийся не у дел В.Иваненко. Узнав о подписании Ельциным Указа о создании МБВД, Иваненко ушел в отпуск, по возвращении из которого, как говорили в АФБ, намеревался подать в отставку. То же собирались сделать и многие его подчиненные, полагая, что их рано или поздно вытеснят на улицу дрессированные серости, интриганы и стукачи из МСБ.

— Если Ельцин не отменит свой Указ, — сказал мне в те дни один контрразведчик, — он не только докажет свое стремление к личной диктатуре. Он останется без профессионалов в неконтролируемой спецслужбе, которая рано или поздно сметет его самого и утопит страну в крови...

Первый путч гусениц 19 августа 1991 года под лязг наступил бронетехники и захлебнулся «малой кровью» через три дня. По мнению одного бывшего эксперта-психиатра КГБ, он напоминал истерику слабоумных.

Второй путч произошел 19 декабря того же года под скрип пера российского президента, в момент подписания им Указа № 289. И он благополучно продолжается в вялотекущей форме.

Принятие Конституционным судом постановления, признавшего этот Указ незаконным, для генералитета не страшнее отеческого шлепка по розовой попке любимого шалунишки. Ведь знает пострелец, что даже если и поставили его сегодня в угол, то завтра опять сунут в рот леденец, в руки — пистолет и танкетку на уставной веревочке и выпустят на улицу, разрешив вести огонь на поражение.

РАЗОБЛАЧЕНИЕ БЫВШИХ АГЕНТОВ — ЗАПЛАНИРОВАННАЯ ОПЕРАЦИЯ
ЧЕКИСТОВ С ЦЕЛЬЮ СТРАВИТЬ ДЕМОКРАТОВ МЕЖДУ СОБОЙ

ЧЕКИСТЫ ЗАКЛАДЫВАЮТ СВОИХ

СТОЛИЦА № 5 (63),
1992

22 января две газеты — «Известия» и «Россия» — опубликовали сенсацию. Архивные материалы КГБ. Совершенно секретные. Чуть раньше аналогичный текст поместили «Аргументы и факты» и «Мегаполис-экспресс».

Все четыре публикации сообщают, где, когда, за кем следили агенты КГБ, как «отводили от приема в Союз писателей», как воровали почту. Сообщаются имена преследуемых: Сахаров, Мень, Лариса Богораз, десятки других.

Имена агентов, естественно, не сообщаются. Названы клички: Нора, Светло, Аббат, Адаммант, Кузнецов, Кларина, десятки других.

Однако некоторых агентов нетрудно вычислить. Скажем, в 1985 году Окуджава ездил в Италию в сопровождении агента «Александров». Достаточно позвонить Окуджава — и «Александров» раскрыт.

Эта легкость разоблачения весьма настораживает. До сих пор руководители КГБ, а также здравомыслящие политики и журналисты заявляли о недопустимости в нашем агрессивном обществе устраивать массовую охоту на ведьм.

А тут вдруг такая утечка информации.

Да еще синхронно «Известия», «Россия», «Мегаполис», «АиФ».

Поневоле я вспомнил, как 16 мая 1991 года меня разнесли сразу две газеты (обе — издания ЦК КПСС), а вечером того же дня в программе «Добрый вечер, Москва!» Минкина журил ответственный сотрудник КГБ.

Мне тогда ужасно не понравилась именно синхронность двух газет и КГБ.

И теперь синхронность утечки заставила задуматься.

Как совершенно секретные документы уходят в печать?

Что означают совпадения и разночтения в опубликованных документах?

Публикацию в «России» завершает такой пассаж: «К сожалению, от политической полиции в той или иной форме не отказались пока даже самые демократические государства. Но там брезгливость по отношению к такого рода деятельности стала общественной нормой. У нас пока нет. Быть может, потому, что мы не располагали информацией о деятельности нашей «тайной канцелярии» свежее достопамятного «слова и дела». Теперь располагаем».

Кто это «мы»? Очевидно, редакция «России». В таком случае приходится сказать: странно, что все располагали, а «мы» — нет. Тем более, что главный редактор «России» А. Дроздов — офицер КГБ с 16-летним стажем*.

А поскольку из КГБ уходят или на тот свет, или в «действующий резерв» — то трудно поверить, что «разоблачительная публикация» не санкционирована.

«Известия» тоже за последнее время не раз давали основания считать себя рупором КГБ.

Это — не утечка. Это — операция.

Что она значит? Кого нам выдают и зачем? Кого изображают страдальцем?

И цели, и средства нашей дорогой (бюджет — 6.400.000.000 в рублях 1991 года) тайной полиции одинаково отвратительны.

И мы должны делать все, чтобы не дать «конторе» запудрить нам мозги.

Подробный анализ синхронной тройной утечки — в «Столице» № 7.

Александр МИНКИН

* Кажется, Хасбулатов, назначивший Дроздова командовать «Россией», осуществил мечту Скалозуба: «Я вам фельдфебеля в Вольтеры дам!» Впрочем, фельдфебель все же не жандарм. У жандармов — высшее образование.

(2)

Александр МИНКИН

Красные Шапочки Гневно осудили Бывших агентов

В один день — 22 января — «Известия» и «Россия» опубликовали материалы из архивов КГБ. Сенсационные! Совершенно секретные!

Как вербовали писателей и священников. Как сотни раз прерывали телефонные разговоры врагов народа. Как организовывали будущим врагам народа провалы на вступительных экзаменах в Литинститут. Это ж сума сойти — до каких мелочей была доведена охрана нашей с вами государственной безопасности за наши с вами денежки! Цитирую: «В ходе предварительной проверки абитуриентов, поступающих в Литинститут, на отдельных из них были получены компромат-материалы. На основании указанных данных абитуриенты В. Романчук, О. Касьянов, О. Алешин, В. Чернобровкин, Г. Осипова были отведены от приема в процессе вступительных экзаменов».

Надеюсь, удалось. Не напишет Романчук романов, не станет Алешин драматургом... Читаешь и не знаешь: плакать или смеяться? Чем занимаются сотни тысяч людей на зарплате, на пайке, с высшим образованием...

Но о чекистских пакостях мы и прежде знали. Сенсационность публикаций в подробностях, в именах. Кто следил, за кем, какого числа, в какой стране.

Ах, это очень интересно! Сейчас узнаем, кто хороший — кто плохой. Вот «профилактируют» Окуджаву — значит, Окуджава хороший. Вот 95 раз пресекают телефонные переговоры Ларисы Богораз. Слава Богу, Лариса хорошая. Заведено дело на Аверинцева. Отлично! Не подкачал Сергей Сергеевич! А вот «негативное поведение» М. Шатрова. Гм, выходит, и Шатров хороший. А вот КГБ «продвигает за рубеж» очерки Артема Боровика. Та-ак, понятно...

Однако еще интереснее узнать, не за кем следили, а кто следил, стучал, вербовал.

Увы, агенты названы кличками. За

Андреем Мироновым в «Театре Сатиры следил агент «Светло». За Жванецким — «Кларина», за Распутиным — «Саша», за кинематографистами — «Нора», «Езерский» и др.

Жаль. Разве узнаешь, кто — кто. А хотелось бы. Если даже морду не бить, то хоть знать, кому руки не подавать.

Впрочем, кое-кого вычислить можно. Вот в состав «творческой мастерской литераторов XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов» введены агенты: «Беликов», «Зорге», «Сомов», «Соловьев», «Крейцер»... Этих можно определить. А вот простейший случай: «Проведены мероприятия по изучению Б. Окуджавы в период его пребывания в заграникомандировке в Италии. Изучение проводилось через возможности резидентуры и через агента «Александров», выезжавшего вместе с Б. Окуджавой в качестве сопровождавшего».

Звоню Окуджава — и «Александров» (а он вдобавок Юнну Мориц обрабатывал) — раскрыт.

Это — первые впечатления, первые эмоции.

Однако насторожила приписка в «России»: «Мы опубликовали этот материал не для того, чтобы упомянутые среди «объектов наблюдения» лица бросились тут же искать в своем окружении «Александрова», «Наумова», «Физика».

Ужели эта фразочка остановит людей от попытки опознать подонка и подлеца? Конечно, нет. Тогда зачем она написана? Не для того ли, чтобы дать понять невнимательным читателям, что по данной публикации можно опознать стукачей?

Кроме того, насторожила синхронность публикаций: в один день — две газеты. Кроме того — абсолютно одинаковая подача материала: просто по годам. «Россия» — про литераторов, музыкантов, хоккеистов, священников. «Известия» — только про священников. Есть совпадения. Есть маленькие расхождения, когда цитируется один и тот же документ. Расхождения не существенные. Суть документа они не меняют. Для человека, желающего по подсказке КГБ вычислить стукача, в таких разночтениях не содержится ровно ничего.

Но для нас, занятых не пошлой ловлей б/у секстов, но изучением поведения КГБ с точки зрения эстетики, культуры, искусства, — для нас эти штрихи куда любопытнее, чем расшифровка «Кларин», «Аббатов» и прочих кличек.

Для искусства важно не что, но как. Не этика, но эстетика. В жизни Гитлер — преступник, вызывает отвращение. В кино блестящее исполнение роли Гитлера (или других усатых маньяков) вызывает восхищение.

Вполне возможно, что именно пристрастие культуры к деталям, к абстрактному мышлению, к отвлеченному копанию в тонких материях заставляет геббельсов при слове «культура» хвататься за пистолет. Понимаю и сочувствую. Ибо именно на деталях прокальваются преступники, в том числе и самые высокопоставленные.

№ 7 (65),
1992
СТОЛИЦА

Осторожно: провокация

Красные Шапочки гневно осудили бывших агентов (3) 15

Предположим, Геббельс кричит:
— Кларина и Аббат — враги народа!
Ловите их!

Ожидаемая нормальная реакция:

— Ура! Щас поймаем и убьем.

И вдруг какой-то театральный критик любопытствует:

— Скажите, а почему вы, доктор Геббельс, выдаете нам своих агентов?

— А потому, что я перестроился и реформировался. Теперь я хороший.

— Да, это правда. Ты, сукин сын, всегда сегодня хороший, а плохой — это который был на прошлой неделе. Но если ты стал хорошим, зачем «Аббата» ловить? Ведь он был опасен только пока был агентом плохой организации. Теперь вы хорошие. Чем же опасен нам Аббат, что вы натравливаете на него толпу? Или... он вам опасен?

Итак, вместо того, чтобы ловить Геббельса, мы — по его же, геббельсовской, подсказке — будем ловить и убивать агентов, опасных не нам, а ему, Геббельсу? Ловко! И от себя отвлек, и агрессивность нашу в выгодное русло направил, и от опасного свидетеля избавился. Начнет Аббат чего-нибудь рассказывать, а веры ему нет: он агент, он (по злобе) честных геббельсов топит.

Однотипные публикации появились сразу в нескольких газетах («Россия», «Известия», «АиФ», «Мегаполис-экспресс», «Куранты», может, и еще где-то). Появились в январе, когда августовские обещания уничтожить КГБ — забыты. Когда «контора» оправилась от шока. Когда вся гигантская организация практически без потерь восстановилась под видом АФБ, поиграла в переименования, слияния, разделения, вышибла Бакатина, запудрила всем мозги, уничтожила все документы, какие хотела, и начинает новые широкомасштабные операции.

Сидит милая бабушка в мягком кресле, угощает журналистов гоголь-моголем, улыбается. А свободная пресса слушает бабушкины сказки и — в отличие от дуры Красной Шапочки — даже не догадывается спросить:

— А почему у тебя такие большие зубы?

Не догадывается? Доверчиво печатает все, что ей подсунули? Или боится? И покорно подыгрывает.

А может, это гуманность? Мол, перевоспитаем Геббельса доверием. Бог в помощь!

Но давайте посмотрим, где и как добыли Красные Шапочки материалы для своих публикаций.

В «Известиях» на полполосы статья Вячеслава Полосина «Вечный раб ЧК». Начинается страстной увертюрой: «идеологический геноцид, карательные структуры, преступное растление, сатанинский замысел...» Что ж, неплохо, неплохо.

Затем огромное количество цитат из отчетов 4-го отдела Пятого Управления КГБ СССР, перемежаемых многословными комментариями Полосина.

Но нигде ни разу не сообщается: где взял Полосин «отчеты», кто их ему дал, как и где делал выписки, кто определял,

что можно выписывать, а что — нет.

Пространные комментарии насчет «сатанинских замыслов» местами даже забавны и вполне на уровне Красной Шапочки. Не могу не процитировать: «А головка КПСС, спутавшая свой карман с государственным, бросала новые и новые средства на алтарь своей богоненавистнической религии». Что такое богоненавистническая вера в Бога, я не знаю. Полосин знает. В редакционном примечании «Известия» сообщают, что В.Полосин окончил философский факультет МГУ, духовную семинарию, был настоятелем Борисоглебской церкви.

Гм. Если человек способен сочинить (на бумаге!) фразу про головку, которая путает карманы и чего-то бросает на алтарь... Трудно даже вообразить, какие перлы звучали в устных проповедях. Теперь Полосин — председатель комитета ВС России по свободе совести, вероисповеданиям, милосердию и благотворительности. Что ж, там красноречие пригодится, чтобы уговорить новую головку чего-нибудь бросить на алтарь милосердия.

Тот же Полосин с той же сенсацией — в «Мегаполис-экспресс» № 3 под заголовком «Митрополит от КГБ». В редак-

ционной врезке есть любопытная деталь: «Показать и прокомментировать документы мы попросили председателя Комитета...» Как председатель и протоиерей комментирует, мы уже видели. А вот то, что он смог «показать документы», — очень интересно. Значит, не избранные места из отчетов, не выписки, а габзшные оригиналы таскает протоиерей по стогам Первопрестольной и по редакциям ея.

Сам уволок или с ведома компетентных товарищей? Вопрос излишен. Даже если товарищи прямого разрешения не давали, то уж вовремя отвернуться они обучены.

В «Мегаполисе» Полосин сообщает множество агентурных клочков, которые легко расшифровываются. И «Мегаполис» тут как тут, отгадывает на ходу: «Аббат» — митрополит Питирим, «Адамант» — митрополит Ювеналий, не так ли? Характерен ответ протоиерея Полосина:

— Ну, я никого не вычислял, меня ужасает само явление...

Так-таки и не вычислял? Ощущается если и не лицемерие, то лукавство. Может, и не вычислял. Зачем трудиться, если подсказали.

16 Красные Шапочки гневно осудили бывших агентов (4)

Вместо резкого протеста против подобных провокационных, вносящих смуту вычислений, вместо отповеди: не судите да не судимы будете, — что, кажется, было бы приличнее христианскому священнослужителю, — следует весьма сомнительное, с точки зрения морали, замечание. Мол, ничего страшного, «человек просто по совместительству выполнял какую-то государственную службу».

Ничего себе «совместительство»! Ничего себе служба! Далеко пойдет председатель по свободе совести.

Сами «совместители» перепугались смертельно. «Московские новости» № 5 от 2 февраля сообщили, что «около десяти законспирированных агентов только на минувшей неделе обратились в Московское управление АФБ России с просьбой уничтожить в их присутствии документы о сотрудничестве с КГБ».

«МН» делают вывод, что причина страха — «полная неясность с судьбой бывшей госбезопасности» и слияние (не состоявшееся) АФБ с МВД. Боюсь, «Московские новости» ошибаются. Не «судьба бывшей госбезопасности» привела в ужас стукачей, а серия публикаций, где их «сдают по дешевке».

В «России» Виктор Киселев напечатал целую полосу цитат из «отчетов различных отделов Пятого (идеологического) управления КГБ». (Слава Богу, без комментариев.) Приведено более сорока (46!) кличек, даты и места встреч, акции, операции, поездки, слезки...

В предисловии к этим интереснейшим документам Киселев сообщает, что ему «удалось заглянуть» в здание КГБ. Там он «листал папки, читал отчеты, звонил по телефону из кабинета Бобкова (первый зам. председателя КГБ СССР! — А.М.), гулял по коридорам нового и старого зданий на Лубянке, обедал вместе с сотрудниками, раскланивался с ними, как со старыми знакомыми...» Неплохо освоился, прямо скажем. Все эти действия Киселев производил, «пытаясь постигнуть людей, борющихся с инакомыслием, как с вражескими диверсиями», выясняя попутно, «страдают ли они муками совести...». Похвально. Хоть и не выяснил, но похвально.

Есть в предисловии Киселева и такая фраза: «Там, где удалось расшифровать псевдонимы преследуемых людей, в скобках поставлены фамилии».

Но ведь это самое интересное! Как, каким методом «удалось расшифровать»? Почему одни удалось, а другие — нет? Почему расшифровке подвергались преследуемые, а не преследователи? Все это, согласитесь, в тысячу раз интереснее, чем то, где Красная Шапочка гуляла, с кем обедала, от кого звонила, кому носила варенье в баночке и пирожок в корзинке.

Не сказано — как и в «Известиях», — кто разрешил выносить отчеты? а если нет — то кто разрешил копировать? кто решал: что можно, а что нельзя?

Сколько тайн!

Уж не уплыли ли материалы втихаря

от всевидящей «конторы»? Уж не рискнула ли газета ВС России «Россия» опубликовать отчеты КГБ без санкции руководства КГБ?

Скандал! Утечка!

Недаром в «Коммерсанте» № 4 сообщается, что «руководство Агентства федеральной безопасности распространило среди сотрудников требования проводить служебные расследования по публикациям об АФБ, раскрывающим служебную информацию этого ведомства» и что «в десятых числах января состоялось закрытое совещание руководителей АФБ, на котором обсуждались случаи утечки в прессу служебной информации. Пришли к выводу, что необходимо повысить бдительность».

Представляете! В десятых числах января повышают бдительность, а 22 января в «России» огромная утечка! Bravo, «Россия»! Теперь понятно, почему именно к ней так щедрый хозяева Российского бюджета.

Недавно, когда пресса взвыла от роста цен на бумагу и услуги (медвежьи) Союзпечати, в газетах прошла информация, что все миллионные субсидии достанутся лишь двум-трем изданиям, в том числе — «России». (Но разразился скандал, и кормушку открыли для всех по справедливости.)

Исключительная субсидия — заслуженная награда за объективность и смелость. Досадно лишь, что главный редактор «России» Александр Дроздов с сентября 1974-го по июнь 1990-го служил в Первом главном управлении КГБ СССР. 17 лет! Как граф Монте-Кристо в замке Иф. Тоже, видно, время даром не тратил и от мудрецов Лубянки многому научился.

Теперь 40-летний б. чекист стал главным редактором. Но, как уже приходилось писать, из КГБ СССР уходит или в могилу, или в «действующий резерв КГБ СССР». Таким образом, рушатся все надежды на то, что публикация отчетов КГБ СССР в газете «Россия» КГБ СССР произошла без ведома КГБ СССР.

Чудес в стране КГБ СССР не бывает.

Напоследок придется коснуться и публикации в «АиФ» № 1 — «Аббат» выходит на связь». Это интервью со священником Глебом Якуниным. Он сообщает, что в качестве члена депутатской комиссии ВС России изучает архивы КГБ:

— Это опечатанные тома салатного цвета с грифом «Секретно» и «Совершенно секретно». В них содержатся ежемесячные отчеты о результатах агентурно-оперативной деятельности отделов Пятого управления (позднее Управления «З»), подававшиеся руководству КГБ».

А далее отец Глеб размышляет вслух:

— Поскольку решением руководства КГБ оно (Пятое управление. — А.М.) недавно было упразднено как занимавшееся антиконституционной деятельностью — контролем за духовной жизнью общества, то, думаю, я вправе озна-

комить ваших читателей с содержанием секретных документов, готовившихся в недрах церковного отдела.

Удивительно, что такой опытный человек, как отец Глеб, искренно считает, что упразднение (а на деле — переименование) управления снимает «совершенно секретность» с документов КГБ.

Замечательно это «думая, я вправе». Сие, видимо, должно означать, что отец Глеб, ни с кем не советуясь, ни у кого разрешения не получив, собственной волей рассекречивает на весь мир совершенно секретные данные.

Отчаянные ребята забралась в архивы КГБ!

Сам шеф КГБ — Бакатин — и то, прежде чем старые «жучки» американцам отдать, у двух президентов спросил разрешения.

А тут Красные Шапочки без спросу совершенно секретных агентов расшифровывают и сдают.

Вот два параллельных текста:

«Известия»
Протоиерей Полосин
цитирует отчет КГБ
за август 1988 г.

«Проводились мероприятия, направленные на дальнейшую компрометацию А.Огородникова... Через агентуру и другие возможности удалось склонить жену объекта обратиться в суд с заявлением о расторжении с ним брака».

«АиФ»
Отец Глеб
цитирует отчет КГБ
за август 1988 г.

«По ДОР (дело оперативной разработки. — Прим.ред.) «Аптекарь» проводились мероприятия, направленные на дальнейшую компрометацию объекта перед единомышленниками и связями на Западе... Через агентуру и другие возможности удалось склонить жену «Аптекаря» обратиться в суд с заявлением о разводе с ним брака».

Оба священника ЦИТИРУЮТ один и тот же отчет. Точность цитат — святая обязанность любого исследователя. А тут — какие интересные расхождения.

Отец Глеб чуть далее сообщает интервьюеру: «Аптекарь» — это... А.Огородников. А протоиерей Полосин ничтоже сумняшеся прямо в отчете заменяет кличку фамилией.

И если мирянин Киселев («Россия») гордится, что ему «удалось расшифровать», то святым отцам информация, вероятно, ниспосылается в откровении.

Господи! Что творят наивные Красные Шапочки! Нам остается только верить в их наивность и надеяться, что они не ведают, ЧТО творят.

И как жаль, что Красные Демократические Шапочки не сказали Серому Лубянскому Волку: «Хочешь сдавать своих волчат — сдавай их сам. А мы тебе не помощники!»

ПОРТРЕТ ГЕНЕРАЛА КГБ АЛЕКСАНДРА СТЕРЛИГОВА — БЕПРИНЦИПНЫЙ КАРЬЕРИСТ
ВО ГЛАВЕ СПАСИТЕЛЕЙ РОССИИ

6

Валентин КОРОЛЕВ

СТОЛИЦА

№ 6 (64),
1992

ЧТО ВОЗРОЖДАЕТ В РОССИИ ГЕНЕРАЛ СТЕРЛИГОВ?

В одном из интервью («Столица» № 9, 1991г.) я рассказал о том, как, будучи младшим опером Московского управления КГБ, отказался стать стукачом своего непосредственного руководителя, заместителя начальника отделения 1-го отдела 2-й службы (контрразведка), но не назвал читателям его фамилию. Не хотелось, чтобы критика в адрес КГБ производила впечатление сведения личных счетов. Тем более, что незадолго до того интервью этот человек подал в отставку с поста управляющего делами Верховного Совета РСФСР в связи с тем, что некоторым депутатам стала известна его принадлежность к действующему корпусу офицеров — агентуристов КГБ. И в тексте интервью он прошел как «некий С...»

Фото А. Назаренко

ГЕРОИ

Только не знающие этого человека люди могли полагать, что после той отставки он будет выращивать на даче цветы. Александр Николаевич Стерлигов остался в КГБ, несмотря на «расшифровку» его как крючковского лазутчика в высшем законодательном органе России и на, мягко говоря, сомнительный способ приобретения государственного имущества в личное пользование — помните скандал с «приватизацией» дач высшей номенклатуры. Не за просто так его спортивная фигура украшала нестройные ряды

располневших партбюрошников во главе с его бывшим патроном и покровителем Н. Рыжковым, скупавших практически за бесценок госдачи, мебель, холодильники и посуду. Помните, юристы и члены комиссии ВС СССР по привилегиям изумились искусству творцов этой аферы, прокрученной в бытность Стерлигова на посту руководителя ХОЗУ Совмина СССР. С этого поста, к слову, он и пришел в Управление делами ВС России — всего за месяц до упомянутой отставки.

«Дачное дело» вскоре забылось, и о Стерлигове я вспоминал не чаще, чем Рыжков о Чернобыле. Но вдруг в августе прошлого года знакомое лицо

мелькнуло на экране телевизора рядом с вице-президентом России А. Руцким, летавшим в Форос вызволять из «дачного плена» М. Горбачева. Через несколько дней генерал Стерлигов щедро раздавал интервью в качестве «героя демократии», лично участвовавшего в задержании В. Крючкова.

В те эйфорические августовские дни очень хотелось верить, что даже слуги дьявола, к каковым в свое время принадлежал и я, способны встать на все еще малознакомый мне путь добродетели. Но что-то — то ли интуиция, то ли логика бывшего политсыскаря — заставило меня диагностировать выступление «героя» андроповского КГБ в

ГЕНЕРАЛ СТЕРЛИГОВ (2)

тандеме с «героем войны в Афганистане» как симптом «детской болезни» правизны российской демократии. И все же была в нем какая-то таинственность, сверлившая душу до тех пор, пока в политическом калейдоскопе не замелькали события, все более настоящие. Они настораживали заданностью маршрута и знакомыми оперативными очертаниями.

ПАТРИОТЫ

17 января этого года, в те минуты, когда трезвая идея деполитизации вооруженных сил тонула в звуках полковых горнов и корабельных склянок Всеармейского офицерского собрания, «приватизатор» народного достояния генерал Стерлигов с трибуны 3-го съезда Славянского Собора клеймил позором первого вице-преьера Бурбулиса и госсоветника Шахрая за попытки противодействовать начинаниям его шефа Руцкого, «который понял наконец, в какую компанию он попал». («Понял», надо полагать, не без помощи чекистского генерала.) И неудивительно, что Александр Николаевич не возражал ни против антисемитских высказываний целого ряда делегатов съезда, ни против предложения провести в феврале в Нижнем Новгороде всероссийский патриотический сбор для учреждения Русского (или Руцкого?) государства и формирования русского (или Стерлигова?) правительства.

Вопросы в скобках — отнюдь не риторические. 21 января Александр Николаевич Стерлигов выступил на учредительном собрании движения «Офицеры за возрождение России», объединившем, в том числе, национал-патриотов в погонах, недовольных мягкотелостью решений Всеармейского офицерского собрания. Возглавив движение, чекист сразу же придал ему политическую окраску, с особым напором подчеркнув в тронной речи, что без вторжения в политику добиться улучшения условий службы и быта офицеров нельзя. Напомню еще раз — это говорил не какой-то генерал-отставник, охваченный ностальгией по былой власти, а человек, ставший правой рукой вице-президента России и потому имеющий власть реальную. Власть, которую любит страстно, безоглядно и, смею утверждать по собственному опыту, — беспринципно.

Аналитический ум, энергия и беспощадность Стерлигова к мыслящим иначе, чем он, не оставляют у знающих его сомнений: если осуществляются его теперь уже откровенные планы — в стране может воцариться атмосфера сродни той, что была при Стерлигове во 2-й

службе Московского УКГБ. (Хотя сам генерал вряд ли будет претендовать на первую роль. Он станет вторым, но надолго. И, возможно, — скоро.)

За ограниченностью журнальной площади предлагаю читателю отведать всего лишь несколько глотков горького бульона атмосферы московской контрразведки периода бурной карьеры Александра Николаевича Стерлигова.

ПОХОРОНЫ

Юра Егоров умирал долго и мучительно, как умирают все раковые больные. Из последних сил он нацарпал на клочке бумаги несколько слов и попросил не отходящую от него ни на минуту жену передать эту записку начальнику отдела Гриневичу* через Ухова, которому он доверял больше других. Жена выполнила это его последнее желание. Ухов тоже.

Юру хоронила вся служба и много других людей. Не было только Стерлигова, хотя все знали, что именно ему Гриневич поручил произнести прощальную речь.

Как и всякий другой старый опер, Егоров исписал в своей жизни не одну тонну бумаги. В последней своей строчке он просил об одном — чтобы на похоронах не было Стерлигова.

Вся наша служба, включая самого Егорова, знала, что у Юры рак, и не люблю молодого, но прыткого замначотдела Сашку по прозвищу адмирал Нельсон, постоянно третировавшего капитана за посещения поликлиники и больничные листы, «мешавшие выполнению личных рабочих планов Егорова и портивших отчетность всего отделения». Егоров молчал и только курил папиросы. Одну за другой.

После его смерти прошло более пяти лет, и за это время Стерлигов ни разу не участвовал в похоронах своих сотрудников, которые случались все чаще: началась афганская война. Но вот он появился у гроба Володи Кузьмина. Да еще выступил с траурной речью, а на Кунцевском кладбище ни на секунду не отходил от Володиной жены, словно был ближайшим другом покойного. А ведь меньше всего можно было считать его таковым.

Кузьмин был самым старшим в отделении по возрасту, званию и стажу работы, одним из тех, кто «пашет» больше других, а уходит на пенсию лишь старшим опером. После того, как он однажды месяц пролежал из-за язвы желудка в госпитале и потом по той же причине вновь получил больничный лист, уже руководивший отделом Стерлигов

настроил на имя начальника управления Алидина рапорт с предложением перевести Кузьмина «на работу, не связанную с агентурно-оперативной деятельностью», что означало — в архивный отдел. Хотя и у нас, и в других отделах многие болели чаще и продолжительнее. Не дожидаясь решения Алидина, Стерлигов отстранил майора от работы на линии и посадил выписывать проверки по оперучетам, чем обычно занимались младшие опера первого месяца службы. Едва старому приятелю Кузьмину Бразаускасу* удалось добиться его перевода к себе в транспортный отдел, Володя был тут же направлен в диверсионно-террористическую школу, откуда попал в Афганистан, не успев даже попрощаться с женой, отдыхавшей где-то на юге. Перед вылетом из Москвы он забежал ненадолго в управление и все пятнадцать минут в разговоре со мной проклинал язву, Стерлигова и войну.

Он погиб в первой же операции вместе со всей спецгруппой из-за тупости ее командира. Уже мертвому душманы отрезали ему нос и уши. И вот «лучший друг» Стерлигов произносит «теплые прощальные слова» в «восемьдесятке»¹ на Пехотной улице.

ЛЖЕШПИОНЫ

Разбухшим в результате реорганизаций отделам, в том числе и нашему, по борьбе со шпионажем, нужно было доказывать целесообразность своего существования. И Стерлигов вошел в кабинет Алидина с предложением взять в оперативную проверку советских ученых, побывавших за рубежом, где они хотя бы на какое-то время вышли из поля зрения наших резидентур и агентов, а по возвращении домой встречались или переписывались с иностранцами. Перед нами открывалось бескрайнее поле деятельности, заплутать в котором не боялись только Стерлигов и Алидин.

В рамках этой грандиозной контрразведывательной операции мне, в частности, было поручено завести дело оперативной проверки (ДОП) по шпионажу на известного психолога, академика, проходившего у нас под кличкой Педагог, который в курилке международного симпозиума имел неосторожность поговорить со своим американским коллегой.

Увидев у меня на столе новенькие корочки этого «дела», тихо саботировавший стерлиговскую операцию Гриневич, поморщившись, процедил:

*Звездочкой помечены фамилии, измененные автором.

¹Здание морга на территории Центрального госпиталя КГБ.

ГЕНЕРАЛ СТЕРЛИГОВ (3)

— Завел бы лучше ДОП на Стерлигова. Он недавно ездил с тургруппой в Англию...

С ПАРТИЙНЫХ ПОЗИЦИЙ

Притчей во языцех в УКГБ был ДОП на «Историка», которого Стерлигов проверял по шпионажу все годы своей работы в нашем отделе, перекрыв несколько раз установленные для этого сроки, и в конце концов сжег «дело» с той же легкостью, с какой были уничтожены многие «дела» в рамках его контрразведывательных операций. По ДОПу на другой его объект работал весь отдел во главе с Гриневичем, в результате чего «шпион» был посажен за... развращение малолетних. Других «собственных» «дел» у Стерлигова не было.

Создавалось впечатление, что всю мощь своего ума Александр Николаевич вкладывал в создание системы головного стукачества, склоняя к доносительству всех, включая практикантов Высшей школы. Жизненную необходимость доноительства Стерлигов, как правило, обосновывал соображениями партийной принципиальности.

Из всех, кого я знал, он был единственным, кто сам предлагал свою кандидатуру на партийную должность, и, будучи руководителем оперативных подразделений, одновременно возглавлял партийные организации отдела и службы. При прочих равных условиях это гарантировало уверенное продвижение по службе. С таких же по-

зиций «партийной принципиальности» он боролся с теми, кто стоял у него на пути. Первым был один из самых грамотных специалистов, всеми уважаемый Николай Антонович Бобков, которого Стерлигов (тогда еще его заместитель) почти на каждом партсобрании клеймил как «скрытого алкоголика, выпустившего из рук вверенное ему отделение». И хотя все, включая Стерлигова, знали, что это не так, в конце концов Бобкова перевели в архивный отдел, а оттуда — сразу на пенсию.

Зато стерлиговская агентура продвигалась по службе весело и непринужденно. Один из них вырос до заместителя начальника управления, другой стал начальником службы. Прочие тоже в накладе не остались...

ПУТЬ НАВЕРХ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Заканчивался 1986 год. В качестве офицера действующего резерва КГБ Стерлигов возглавлял 6-й сектор Экономического отдела Совмина СССР. Как сказал мне один из его тогдашних подчиненных, этот сектор, по сути, был личной контрразведкой премьера Рыжкова.

Появление Стерлигова в Совмине казалось невероятным после скандала, разразившегося в 1983 году. Не буду сейчас вдаваться в подробности, мне известно не все в той темной истории, но факт остается фактом. Стерлигов был освобожден от должности заместителя начальника 2-й службы УКГБ и пере-

веден в распоряжение кадрового аппарата. Примерно месяц он прогуливался взад-вперед по тротуару улицы Дзержинского и даже стал здороваться с бывшими подчиненными, чего раньше никогда себе не позволял. Но вдруг его перевели в действующий резерв КГБ (одна из категорий оперработников-агентуристов) и назначили начальником управления БХСС ГУВД Мосгорисполкома, где он вскоре получил звание полковника.

Впрочем, в УБХСС Стерлигов долго не задержался. Он познакомился с зятем предсовмина Н.И.Рыжкова Гутиным, работавшим в отделе БХСС одного из московских РУВД. Вскоре Гутин был назначен на должность помощника начальника отдела управления «В» Третьего главного управления КГБ СССР, а Стерлигов тут же возглавил 6-й сектор в Совмине, где, помимо прочих чекистско-государственных дел, руководил созданием новых экономических структур с привлечением людских и финансовых ресурсов КГБ. Одна из них — государственно-кооперативный концерн АНТ — была принесена в жертву политическим амбициям части верхушки партгосаппарата, из рук которой вместе с «социалистическими ценностями» ускользала реальная власть.

Перед самым «разгромом» АНТа Стерлигов был вновь удивительно выведен: встал во главе ХОЗУ СМ СССР, затем был переведен управделами ВС РСФСР.

Что было потом — читатель уже знает. Что будет завтра? Какую Россию спасает генерал Стерлигов? Что мечтает в ней возродить?

-----СЦ-----

МАРШАЛ АХРОМЕЕВ НЕ СОМНЕВАЛСЯ В ПРОВАЛЕ ПУТЧА, НО СТРЕМИЛСЯ
НА ПОСЛЕДУЮЩЕМ СУДЕ ГРОМКО ЗАЯВИТЬ О ГРОЗЯЩЕЙ СТРАНЕ ГИБЕЛИ

СТОЛИЦА № 7 (65),
1992 с. 8 позиция

Леонид РАДЗИХОВСКИЙ

ГЛАС ВОПИЮЩЕГО В ПУСТЫНЕ

В этих документах Ахромеев признает, что был советником ГКЧП, добровольно принял участие в его работе. Он пишет, что «был уверен заранее, что эта авантюра потерпит поражение». Свой поступок маршал объясняет так: «Такое решение я принял потому, что начиная с середины 1990 года был убежден, как убежден и сегодня, что наша страна идет к гибели. Вскоре она окажется расчлененной. Обычные выступления не помогали. Я искал способ, как громко заявить об этом, и посчитал, что участие на заключительном этапе этой авантюры... даст мне возможность громко сказать о своей тревоге на Верховном Совете СССР и при ведении следствия. Остальные последствия для меня имеют второстепенное значение. Наверное, это звучит неубедительно, но это правда».

«Возможности громко сказать» у Ахромеева не было — он покончил с собой. Как прозрачно намекают его дочери — не «он покончил», а «его по-

**Опубликованы
предсмертная
записка маршала
С.Ф.Ахромеева
Лукьянову от 23
августа 1991 г.
и текст его
несостоявшегося
выступления
на Верховном
Совете СССР,
депутатом
которого он был.**

кончили». Как бы то ни было, покойный маршал совершенно неправ — все, что он пишет, звучит очень убедительно. Он убедил всех своими поступками — не только самоубийством, но даже и тем, что сам, добровольно выдал себя Верховному Совету. Между прочим, именно этим он резко отличался от всех других участников заговора, которые не только не шли выдавать себя, но срочно залегли в больницы (генерал Агеев) или спрятались за депутатскую неприкосновенность (генерал Ачалов), в то время как Ахромеев просит лишить его неприкосновенности, вывести из состава ВС СССР.

Еще слова из его заявления: «Но ведь в этих трех понятиях — государство, народ, вооруженные силы — для меня, как и для миллионов других людей, заключается смысл жизни. Выходит, что теперь он утрачивается». Эти слова ясно объясняют его самоубийство, но, разумеется, дочери, отрицающие такую возможность, лучше знают своего отца...

Глас вопиющего в пустыне (2)

Так или иначе, 68-летний маршал делом, поступком доказал свою искренность и заслужил право быть выслушанным, понятым. В отличие от Невзорова, отвергшегося, симулируя сумасшествие, от службы в армии, я не испытываю никакого почтения к лампасам и орденам. Не считаю золотое шитье и прочие побрякушки чем-то столь важным, что они закрывают человека или возвышают ничтожество. Важен живой человек и его поступок. Поступок есть. И все мы — трусы левые, трусы правые, — неспособные на такое, обязаны придержать язык, не глумиться и не сыпать пустые казенные славословия в адрес покойного. Он решился, он переступил через себя. Поэтому, в первых, выразим свое уважение, а во-вторых, подумаем о таком поступке.

«Русские люди!

Великая Родина наша умирает.

Близок час кончины.

Вынужденный выступить открыто — я, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь довести народ... до Учредительного Собрания, на котором Он Сам решит свои судьбы и выберет уклад своей новой Государственной жизни. Предать же Россию... я не в силах и предпочитаю умереть, чтобы не видеть позора и срама Русской земли. Русский народ, в твоих руках жизнь твоей Родины!»

Это написано 27 августа 1917 г. Подписано — генерал Корнилов. «И умереть мы обещали. И клятву верности сдержали».

В России все повторяется... Даже бессилие и отчаяние генералов.

Генерал Корнилов еще мог морочить себе голову — «доведеет народ до Учредительного Собрания, на котором Он Сам решит свою судьбу». Ахромеев уже такой возможности не имел. Народ благополучно избравший все возможные парламенты и президентов, ясно показал, что ему с генералами-путчистами не по пути. Даже в русском народе крах великой империи не вызвал никакого волнения, остался попросту незамеченным, а уж об остальных народах и говорить нечего — они изо всех сил раскачивали гнилые балки, валили империю. Но ведь в этих трех понятиях — государство, народ, вооруженные силы — для меня, как и для миллионов других людей, заключается смысл жизни». Но ведь эти три понятия не сопрягаются. Не империалисты (кстати, Ахромеев дружил с многими американскими генералами, и они выразили — в отличие от советских военных — соболезнование по случаю его смерти), не сионисты (нет никаких

данных, что Ахромеев болел антисемитизмом, в чем многие подозревают любого генерала просто «по должности»), не масоны (тем более нет данных, что Ахромеев страдал психическим расстройством) — нет, нет и нет, сам народ развалил государство и вооруженные силы. То, что составляло смысл жизни Корнилова и Ахромеева, отнюдь не составляло, не составляет смысл жизни для того русского народа, к которому они апеллируют, от имени которого говорят.

Второй раз в этом веке народ может высказать свое мнение, свои симпатии. И второй раз — то же самое. В 1917-м — не за боевым генералом, львом, Корниловым, награждавшим прямо на передовой георгиевскими крестами, пошел русский солдат, «чудо-богатырь». Нет, пошел он за прибывшим из Германии в plombированном вагоне картавым лысым «штафиркой», который, отсидевшись в годы войны в Швейцарии, открыто призывал к поражению России! Пошел народ за Лейбой Бронштейном, который в годы войны был не то мелким журналистом, не то чуть ли не офицером в Америке. И под руководством этих ульяновых-Бронштейнов-джугашвили русский солдат подбросил на штыки боевых генералов Корнилова, Маркова, Духо-

нина, Колчака и т.д. и т.д., имя же им — легион.

Что, любовью к евреям воспылал народ? «Капитала» начитался? Просто, что ли, белены объелся?

Нет, господа, не просто. «Положение ваше затруднительное!.. Положение — как в чужой стране!.. Вы народу нашего не знаете.

— То есть как не знаю?

— А так... И никогда не знали. И вас сроду обманывали.

— Кто обманывал?

— Обманывали мы — солдаты, мужики... Отвернетесь, а мы смеемся. Эх, Вадим Петрович! Беззаветную отвагу, любовь к царю, отечеству — это господа выдумали, а мы долбили по солдатской словесности...» Это из «Хождения по мукам». Вот оно что, господа! Не надейтесь вы на эту «словесность». И хоть все казармы завали «Днем», хоть все сортиры, тумбочки и «красные уголки» засыпьте одной этой газетой — не поможет. Дохлое дело! Отвернетесь — а они смеются и над царем, и над отечеством. И не уличишь же — повернешься, и они опять едят начальство глазами. Русские орлы.

Еще из того же русского «Хождения по мукам»: «Да черт вас возьми... Простите, подполковник. До сих пор мне было известно, что Россией называлась территория в одну шестую часть

земного шара, населенная народом, прожившим на ней великую историю... Может быть, по-большевистскому это и не так... Прошу прощения...

— Нет, именно так-с... Горжусь... И лично я вполне удовлетворен, читая историю государства Российского. Но сто миллионов мужиков книг этих не читали. И не гордятся. Они желают иметь свою собственную историю, развернутую не в прошлые, а в будущие времена... Сытую историю... С этим ничего не поделаешь». Вот это так точно. Ни-че-го не поделаешь.

Да, народ имел случай убедиться, что, сбросив с плеч всех этих генералов, Медных всадников и Каменных гостей российской истории, он неожиданно начинает жить еще хуже! Чудо какое-то! Пока лошадь была впряжена в оглобли да пока охаживали ее вожжами, она, сердешная, хоть кое-как тянула. Но, когда, лягясь, она сбросила возницу и разбила повозку, тут-то она и свалилась... Парадокс истории российской! Но, хоть и не обретает народ долгожданной «сытой истории», а «тяжело-звонкое скаканье» грозной империи ему не нужно!

Говорят, русский так и остался язычником, христианство глубоко не задело сознание самых «ядерных» слоев народа. Может быть... Не берусь судить. Но что народ так и остался антигосударственником, несмот-

ря на все попытки вдолбить ему аж в подкорку, аж в мозг костей «оборонное сознание», — это точно. Не надо спорить, не надо поминать Леонтьева, Достоевского, Бердяева, Шпенглера. Просто вспомните 1917-й и... обернитесь вокруг.

Рухнула великая империя. И шум поднялся великий... в Париже, Лондоне, Нью-Йорке да... в патриотической прессе. А народ-то, народ? «Народ безмолвствует», давно известно. Впрочем, не всегда молчит. Бунин, «Окаянные дни»: «Извозчик возле «Праги» с радостью и смехом:

— Что ж, пусть приходит. Он, немец-то, и прежде все равно нами владал». Легко скривиться — не народ, а смердяковщина. Так ведь это так — слова-с... Вы опять же, посмотрите окрест — куда мчат, толкая друг друга, и славянофилы, и нигилисты? Дауж не в Америку, кто туда и смеет мечтать-то... Нет, хотя бы в СП, хоть за малый кусочек с настоящего стола. Впрочем, что значит «окрест себя»? В зеркало смотрите, господа, в зеркало! Да, последнее «прости»... И сама-то белая, лебединая стая. Как денкинцы называли красновцев? Проститутками при немцах. Как красновцы называли денкинцев? Котами, живущими на содержании у этакой проститутки... Вот вам и борцы за величие империи.

Да ладно, — то давно было... А ныне? Кто торгует архивами КГБ? Дисси-

денты? Никак нет-с. Борцы за «единую и неделимую» — «славные чекисты». Кто первыми вошли в правления всех СП? Номенклатура, генералы ВПК и партаппарата.

Где же те, кто готов истинно умереть за державу, кто действительно слился с Медным всадником, для кого крушение империи стало настоящей бедой, разрывом аорты? Где? Писатели-патриоты, добывающие себе патриотизмом дневное пропитание и пропитие? Их окоселые читатели?

Нет. Таких людей нет... Вернее, есть, конечно. Мы их просто не знаем. Вот знаем — маршала Ахромеева. Этот имперский строй — как он страшен, чужд мне... Даже как Мандельштам не могу сказать: «С миром державным я был лишь ребячески связан...» И того не было. И не нужно мое уважение — ни покойному маршалу, ни семье его...

Но когда бессильный Медный всадник вдруг становится Дон Кихотом и, отлично понимая это, мчит на ветряные мельницы — не для того, чтобы победить, а для того, чтобы погибнуть, — я не могу не сказать, что уважаю этого человека.

Вот какие мысли приходят в голову, «листая старую тетрадь расстрелянного генерала», как пел убитый в дурацкой драке русский певец Тальков.

ИСК ОФИЦЕРА КГБ К "НОВОМУ ВРЕМЕНИ" ПОДТВЕРЖДАЕТ, ЧТО ОРГАНЫ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ПРОДОЛЖАЮТ ДЕЙСТВОВАТЬ ПРЕЖНИМИ МЕТОДАМИ

«НОВОЕ ВРЕМЯ» № 8 92

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СИТУАЦИЯ

«Новое время» — тоже деньги!

В начале октября прошлого года в редакцию пришло письмо из прокуратуры Фрунзенского района Москвы: против одного из авторов «НВ» подполковника КГБ Александра Кичихина выдвинуто обвинение в клевете и ведется прокурорская проверка жалобы. С жалобой в прокуратуру обратился офицер КГБ, сотрудник аппарата Президента СССР Юрий Кобяков.

В первом послепутчевом номере «Нового времени» (№35/91) была опубликована статья Александра Кичихина «КГБ все знал. И действовал». В начале публикации рассказывалось о структуре органов госбезопасности и истории создания тех управлений, которые, по мнению автора, могли принять и принимали самое непосредственное участие в подготовке и проведении августовского переворота, обеспечивали его «идейное прикрытие». Кичихин утверждал, что это Управление «З» (бывшее Пятое управление) и Информационно-аналитическое управление КГБ. Характеризуя людей, работавших в этих структурах, наш автор упоминал Юрия Кобякова.

Теперь Юрий Кобяков требовал возбуждения уголовного дела против Александра Кичихина по статье 130 УК РСФСР — публичная клевета в печати, соединенная с обвинением в совершении государственного преступления — измене Родине. Возражения гражданина Кобякова вызвали рубрика (общая для трех материалов того номера «НВ») «Они готовили переворот» и полужирный шрифт, которым была выделена в тексте его фамилия. По мнению Кобякова, шрифт этот создавал единый визуальный ряд с заголовком и рубрикой статьи.

Выделив в тексте фамилию Кобякова и дав его биографию в той части статьи, где речь о путче не шла, редакция и автор публикации подчеркивали существование связи между ЦК КПСС и КГБ (в особенности его Пятым управлением), протянувшейся и к аппарату Президента СССР, куда Кобяков был переведен со Старой площади (см. бокс на стр. 5).

Деятельность президентского аппарата заслуживает отдельного расследования. До сих пор окончательно не выяснены функции службы Болдина. Документы и

**Офицер КГБ,
сотрудник
аппарата
Президента
СССР
предъявил иск
нашему
журналу. Он
считает, что его
честь и
достоинство
оскорблены.
Он требует
компенсации —
960 тысяч
рублей**

материалы, появившиеся в печати, показывают, что служба эта занималась целенаправленной дезинформацией Горбачева, формировала у президента искаженное представление о процессах, происходивших в стране (см. бокс на стр. 6).

Управление «З» в действии

Тот номер, где опубликовано редакционное расследование, был подписан к печати 27 августа. 1 сентября по приказу председателя КГБ Вадима Бакатина начала работать специальная комиссия для проведения служебного расследования действий должностных лиц органов КГБ СССР в период государственного переворота.

Эта комиссия выяснила, что не только Владимир Крючков, но и все его заместители, как и все руководство Управления «З», принимали непосредственное участие в совершении государственного преступления — попытке переворота в стране.

Как следует из материалов комиссии, первый заместитель председателя КГБ генерал-полковник Виктор Грушко неоднократно присутствовал на встречах с будущими членами ГКЧП, а его помощник разрабатывал «первичные мероприятия по стабилизации обстановки в стране на слу-

Из личного дела истца

Юрий Кобяков закончил институт торговли, работал в магазине, откуда в середине 70-х пришел в КГБ. До середины 80-х занимался проблемой крымских татар в бывшем Пятом управлении. Автор программы «Мубарекская зона», суть которой — закрепление крымских татар в Узбекистане.

В результате стремительной карьеры Кобяков становится начальником отдела межнациональных отношений. Окончив Высшую партийную школу МГК КПСС, в 1988 году сменил Александра Карбаинова (до путча — начальник Центра общественных связей КГБ) в отделе административных органов ЦК КПСС. После введения поста Президента СССР перешел в его аппарат.

По словам Кичихина, в Пятом управлении все были изумлены внезапным взлетом Юрия Кобякова. «Но не потому, что завидовали: считали, что в высших органах управления государства должны работать люди соответствующей квалификации».

В настоящий момент Юрий Кобяков ожидает нового назначения.

чай введения чрезвычайного положения». Тот же Грушко отдавал наиболее важные распоряжения об использовании возможностей КГБ для реализации замыслов заговорщиков. Он дал указание подготовить план изоляции Президента РСФСР, ввести в действие спецподразделения Первого главного управления КГБ, усилить режим на Гостелерадио.

Другой первый заместитель председателя КГБ Гений Агеев руководил действиями в Форосе. По его указанию у Президента СССР была отключена связь, а 79-й погранотряд и 5-я отдельная бригада сторожевых кораблей были переподчинены начальнику службы охраны КГБ Юрию Плеханову. Он же приказал блокировать российский Белый дом, для того чтобы в конечном счете интернировать руководство России и наиболее демократически настроенных депутатов. Он же отдал распоряжение сформировать и направить в Прибалтику группы оперативных сотрудников для обеспечения режима чрезвычайного положения.

Заместитель председателя генерал-майор Лебедев, о котором тоже говорилось в статье в №35/91, еще 18 августа распорядился установить наружное наблюдение за некоторыми руководителями СССР и РСФСР. По его прямому указанию были введены в действие силы Управления «З», в котором сам Лебедев в первые годы работы в КГБ занимался борьбой с сионизмом, и

Седьмого управления госбезопасности. Оперработники этих управлений задержали Гдяна, Уражцева, Проселкова, Комчатова. Лебедев же, создавший в КГБ Информационно-аналитическое управление и одно время возглавлявший его, в дни путча сформировал группу информационного обеспечения режима чрезвычайного положения, руководил подготовкой и распространением документов ГКЧП, следил за деятельностью средств массовой информации, принял решение закрыть радиостанцию «Эхо Москвы».

Заместитель председателя КГБ генерал-лейтенант И.Петровас накануне путча отдал распоряжение привести войска спецназначения в боевую готовность, направил в органы и войска КГБ конкретные указания, как им себя вести в условиях чрезвычайного положения и что делать. Руководил вместе с Министерством обороны СССР передвижением войск по Москве, направил 300 человек личного состава 103-й воздушно-десантной дивизии в Прибалтику.

Что касается Пятого управления, или Управления «З», то его деятельность до и во время путча исследовалась особо. В результате чего была подготовлена отдельная справка «По результатам служебного расследования фактов, свидетельствующих о незаконных действиях должностных лиц Управления «З» КГБ СССР накануне и в период антиконституционного переворота».

Из этой справки видно, что большинство сотрудников управления под руководством начальника

Из личного дела ответчика

В декабре 1990 года «Новое время» однозначно поддерживает драматическое заявление Эдуарда Шеварднадзе об опасности установления диктатуры.

В январе 1991 года «Новое время» требует дать политическую и правовую оценку кровопролитию в Вильнюсе — иначе танки будут вскоре стоять и у подъездов москвичей, страной станет править «диктатура серости».

В июне 1991 года «Новое время» настаивает на отставке председателя КГБ Владимира Крючкова, потребовавшего чрезвычайных полномочий для правительств и выступившего фактически против президента страны на закрытом заседании Верховного Совета СССР.

20 августа 1991 года «Новое время» подписывает в печать номер, который открывается заголовком «Они совершили переворот, но у них дрожат руки». Номер арестован в типографии, но расходится по Москве в ксерокопиях.

Из личного дела ответчика

Александра Кичихина в «Новом времени» знают с 1990 года. Собрав материалы, свидетельствующие, что партаппарат в Поволжье формирует негативное отношение к советским немцам и проблеме восстановления их автономии, Кичихин понял: «обычным путем» изменить сложившуюся в Поволжье обстановку не сможет. И вышел с плакатом к палаточному городку у гостиницы «Россия». После чего был фактически отстранен от дел в своем управлении.

Утром 19 августа 1991 года Александр Кичихин пришел в редакцию с копией своего рапорта об отставке и обращением к служащим вооруженных сил не применять оружие, не выступать против народа и не поддерживать антиконституционных действий ГКЧП.

— Я восемь лет просидел с Кобяковым в одной комнате на Лубянке, — говорит Александр Кичихин, — и меньше всего хотел нанести ему личное оскорбление и обвинить его в государственной измене. Я хотел дать портрет управления, в котором мы оба работали...

управления Виталия Воротникова «выполняло задачу по выявлению на объектах оперативного обслуживания реакции на постановление ГКЧП». 25 сотрудников управления в воскресный день 18 августа вызвали на Лубянку, раздали им пистолеты Макарова с 16 патронами и командировочные удостоверения и, разделив на три группы, направили в Литву, Латвию и Эстонию — «контролировать объективность информации местных органов госбезопасности о положении в Прибалтике якобы в связи с предстоящим подписанием Союзного договора».

Оставшихся сотрудников управления к десяти часам вечера в воскресенье объединили в группу для проведения административных арестов тех, кто, по мнению руководства, мог «дестабилизировать обстановку в Москве» при введении режима чрезвычайного положения. Как объяснил потом начальник управления Виталий Воротников, утром 19 августа он получил список на 75–76 человек, которых предстояло задержать, и передал его своему заместителю Геннадию Добровольскому (эта фамилия в статье Александра Кичихина тоже была набрана полужирным шрифтом). В списке были особо выделены фамилии 18 человек. Добровольский утверждает, что он уничтожил этот список 21 августа.

Другой заместитель начальника Управления «З» Игорь Перфильев получил от Валерия Лебедева указание поставить в известность руко-

ИСК К "НОВОМУ ВРЕМЕНИ" (3)

водство московских типографий о временном приостановлении выпуска ряда газет и журналов.

Несомненно, на Управление «З» в ходе путча возлагали особые надежды, и именно на него опиралось руководство КГБ, захватывая власть. Это следует и из материалов специальной комиссии, проводившей служебное расследование. Роль офицеров действующего резерва, работающих, например, в аппарате Президента СССР или сидящих «под крышей» в других ведомствах и министерствах Союза или республик, комиссией не исследовалась.

Впрочем, 27 августа, подписывая номер в печать, обо всем, что творилось в дни путча в КГБ, сотрудники редакции могли лишь догадываться по тем фактам, которые предоставил «НВ» подполковник КГБ, сотрудник Управления «З» Александр Кичихин.

«В возбуждении уголовного дела отказано»

На запрос районной прокуратуры редакция ответила следующим письмом:

«Новое время» проводит анализ причин процессов, приведших к путчу, и его последствий.

В частности, в №35/91 была опубликована подборка материалов на эту тему под общей рубрикой «Они готовили переворот». Рубрика относилась к организациям, которые готовили переворот в августе этого года. С нашей точки зрения, это — КГБ, ЦК КПСС, Министерство обороны СССР.

В материале «КГБ все знал. И действовал» его автор Александр Кичихин, сотрудник Комитета государственной безопасности СССР, дал свой анализ структуры, деятельности и атмосферы в КГБ накануне и во время путча. Информация, приведенная им, выглядит, с нашей точки

СВИДЕТЕЛИ ЗАЩИТЫ ОБВИНЯЮТ

Записка для президента

Лев Пономарев,
 народный депутат РСФСР, председатель парламентской комиссии по расследованию причин и обстоятельств переворота в августе 1991 года

КГБ наравне с КПСС фактически возглавил переворот в августе прошлого года. Это был слитый воедино организм, в котором органы госбезопасности, обладающие к тому же вооруженной силой, выполняли волю ЦК КПСС.

В КГБ сосредоточились все рычаги управления и воздействия на государство. КГБ, в частности, контролировал информацию, поступающую президенту, парламенту, правительству страны. КГБ обрабатывал общественное сознание.

Если же говорить о давлении на президента, то я могу привести один простой пример. Александр Яковлев рассказал мне, что незадолго до 28 марта 1991 года, когда на улицы Москвы была выведена боевая техника, он видел на столе у Горбачева докладную записку из КГБ. В ней говорилось, что агент КГБ присутствовал на заседании кооператива, якобы контролируемого «Демократической Россией». На заседании обсуждались проблемы, связанные с производством веревочных лестниц и крючьев для штурма Кремля. Как один из руководителей «Демроссии» и как человек, который организовывал манифестацию 28 марта, я знаю совершенно точно, что никаких планов штурмовать Кремль у нас не было и быть не могло — речь вообще не шла о насильственном свержении существовавшей власти. Более того, у нас нет и кооперативов. Окружение Горбачева было пронизано агентурой КГБ. На него влияли и пытались извратить его мнение.

В попытке переворота приняли участие практически все подразделения госбезопасности. В подготовке же наибольшую роль сыграло распущенное ныне Пятое управление.

Крючков взялся лично руководить всеми операциями КГБ. Заранее не доверяя руководителям подразделений, он сам звонил каждому из исполнителей, причем из кабинета Янаева. По телефону пытался следить за всеми, даже самыми мелкими, операциями. И в дни путча контролировал даже телефонные переговоры Янаева и Павлова. Это еще раз доказывает, что «контрольный пакет акций» во время переворота принадлежал лично председателю КГБ.

зрения, достаточно объективно. Вместе с тем возможны, безусловно, и другие точки зрения. Номер подписывался в печать 27 августа, когда следствие только еще начиналось. Как выяснилось позже, против некоторых из указанных в материале лиц начали проводить расследование. Однако в материале «КГБ все знал. И действовал» обви-

нений в адрес конкретных лиц, в частности Ю.А.Кобякова, не высказывалось.

Естественно, у Ю.А.Кобякова есть право высказать свою точку зрения в письме в редакцию, которое мы могли бы опубликовать, как это делается в подобных случаях.

В начале ноября мы получили заключение прокуратуры. В нем

ГОШНИ КАТЕГОРИЧЕСКИ
 ОБЪЯВЛЯЕТСЯ № 26 - 103

СТЕПЕНЬ СЕКРЕТНОСТИ Секрет

Гриф секретности снимать

ИСХОДЯЩАЯ ИНФОРТЕЛЕГРАММА № 22752 / 318

Председателю КГБ РСФСР

и областям
 Начальникам Управлений Особых отделов КГБ СССР и Особых отделов КГБ СССР по округам, флотам, авиационным и соединением центрального подчинения.

Начальникам войск пограничных округов КГБ СССР, Начальникам главных управлений, самостоятельных учреждений и отделов КГБ СССР.

Командирам соединений и отдельных частей войск КГБ СССР.

С получением данной телеграммы органы и войска КГБ СССР перейти в состояние повышенной боевой готовности.

Крючков

Звонок		Время		Приним. посетителем Фамилия, и. о.
Фамилия, и. о.	Телефон	Начало	Окончание	
		11:07	11:15	Жуков Ю. А.
		11:11	11:54	Кобяков Ю. А.
		11:14	11:52	Сидорович С. С.
		11:38		
		11:40	11:42	Окорков Ю. Р.
		11:43	20:00	Сидорович Ю. С.
		11:48	20:00	Сидорович Ю. С.
		11:47	11:48	Сидорович Ю. С.
		11:53	15:38	Сидорович Ю. С.
		11:53	15:38	Сидорович Ю. С.
		12:04	14:37	Сидорович Ю. С.
		12:35	15:36	Сидорович Ю. С.

ЖУРНАЛ № 8
 «НОВОЕ ВРЕМЯ»
 ЗАВЕДУЮЩЕГО ОБЩИМ ОТДЕЛОМ
 ЦК КПСС
 02. ДЕК 1990
 09 ЯНВ 1991

В №5 «НВ», где была опубликована статья о том, как готовился переворот в Литве в январе 1991 года, мы поместили фрагмент страницы из журнала, который вели помощники заведующего общим отделом ЦК КПСС Валерия Болдина.

Утром 8 января в его кабинете решали судьбу Литвы председатель КГБ Крючков, министр обороны Язов, министр внутренних дел Пуго, секретари ЦК Шенкин и Бакланов — словом, почти все члены будущего ГКЧП.

Тем же утром в кабинете Валерия Болдина побывал сотрудник аппарата Президента СССР, офицер КГБ Юрий Кобяков...

А. Кичихина извещали, что «заявление гр. Кобякова Ю. А. о привлечении Вас к уголовной ответственности за клевету в печати, соединенную с обидением в совершении государственного преступления, проверено. В возбуждении уголовного дела отказано за отсутствием в Ваших действиях состава преступления на основании п. 2 статьи 5 УПК РСФСР».

Апелляция Юрия Кобякова в прокуратуру Москвы также ничего не дала. Вторая проверка жалобы, проведенная в ноябре, подтвердила: в статье «НВ» клеветы не содержится.

В заключении по результатам открытых слушаний в Верховном Совете России о роли репрессивных органов в подготовке и проведении государственного переворота в СССР говорится:

«Подготовка конкретных мероприятий по проведению государственного переворота была начата в КГБ в декабре 1990 года». С этого времени усилилась слежка за наиболее активными деятелями демократической направленности, проводятся мероприятия по их дискредитации. Нарастает и интенсивность направленной дезинформации внутри страны и за рубежом. В этой работе принимали участие все подразделения КГБ. Отсутствие какого бы то ни было правительственного или парламентского контроля за деятельностью органов госбезопасности позволило им сыграть самую активную роль в попытке насильственно вернуть государство к тоталитарному режиму, развернуть в стране массовый террор и репрессии»...

Начинается гражданский процесс

В середине ноября в редакцию пришло письмо Юрия Кобякова. Он требовал опубликовать его полностью, без какого-либо редактирования, в очередном номере еженедельника на странице 14 и напечатать тем же шрифтом, что и статью А. Кичихина. «В тексте моего ответа, — писал Кобяков, — фамилия А. Кичихина должна быть выделена жирным шрифтом так же, как выделялась моя фамилия в его статье». «Полный текст моего ответа, — продолжал Кобяков, — включает в себя заголовок «ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО А. ПУМ-

ПЯНСКОМУ ПО ПОВОДУ КЛЕВЕТНИЧЕСКОЙ ПУБЛИКАЦИИ «НОВОГО ВРЕМЕНИ», который должен быть оформлен так же и набран шрифтом той же величины, что и в придуманной редакцией рубрике «ОНИ ГОТОВИЛИ ПЕРЕВОРОТ».

В «Открытом письме» Юрий Кобяков утверждал, что в статье А. Кичихина при «прямом пособничестве редакции» против него выдвинуто «абсолютно голословное и удивительно наглое обвинение в «соучастии» в государственном преступлении — измене Родине, заговоре». «Тем самым, — писал Кобяков, — «Новое время» скатывается к уровню политических доносов времен сталинщины. Тогда такого навета вполне бы хватило, чтобы поставить меня к стенке, а моих близких заклеить страшной аббревиатурой ЧСИР (члены семьи изменника Родины)». «Хотелось бы надеяться, — следовало дальше, — что в наши дни субъектам типа А. Кичихина не удастся и дальше безнаказанно заниматься клеветой и политическим доносом». А читателей нашего еженедельника Юрий Кобяков убеждал: «Глупо платить деньги, и немалые, тем, кто позволяет себе беспардонно лгать, для кого циничная погоня за «жареной фактурой» дороже чести и достоинства человека. Того самого человека, о неотъемлемых правах которого так часто и с такой патетикой пишет Ваш «элитарный журнал», — заключал письмо Юрий Кобяков.

В ответе Юрию Кобякову говорилось: «Вы, безусловно, вправе оспорить как общую мысль о причастности КГБ к заговору, так и конкретные признания А. Кичихина. Однако для этого требуются доказательства. Что именно не соответствует действительности или искажено? Увы, в Вашем эмоциональном письме ни одного конкретного аргумента не приведено».

Редакция вновь подтвердила свою готовность опубликовать малоумно аргументированную точку

ИСК К "НОВОМУ ВРЕМЕНИ" (5)

зрения оппонента. Но только по существу.

Ответа от Юрия Кобякова редакция не получила. Зато из районного суда прислали копию искового заявления о защите чести и достоинства и о возмещении морального вреда, нанесенного гражданину Кобякову Ю.А. Документ этот датирован 2 декабря 1991 года. Отчаявшись возбудить уголовное дело против автора «НВ», Кобяков начал гражданский процесс против редакции и Кичихина.

«Главные причины того, что руководители КГБ оказались среди основных идеологов и исполнителей антиконституционного государственного переворота, — говорится в заключении по парламентским слушаниям о КГБ, — кроются в следующем. Будучи с самого начала исполнителем воли исключительно руководства компартии, возведя в норму игнорирование собственных законов, органы госбезопасности стали самостоятельной политической силой в КПСС, государстве и превратились в надгосударственный институт. На протяжении всей истории советского государства органы госбезопасности (от ВЧК до КГБ СССР) выступали в роли главной репрессивной структуры тоталитарного режима, были орудием геноцида в отношении собственного народа, непосредственно ответственным за массовые преступления против человечности».

Из искового заявления следовало, что Юрий Кобяков отнес на свой счет не только рубрику и заголовок статьи А.Кичихина, но и одну из фраз введения: «Заявление коллегии Комитета госбезопасности о том, что часть органов госбезопасности замарана участием в перевороте руководителя КГБ СССР (!), на мой взгляд, преследует определенную цель: скрыть от ответственности других идеологов и соучастников государственного преступления. Кто они?» Основываясь на этой фразе и еще раз упоминая рубрику и заголовок статьи, Юрий Кобяков писал в суд, что «редакция еженедельника «Новое время» и А.Кичихин в печатном произведении умышленно распространили клевету, то есть заведомо ложные, позорящие меня измышления, соединенные с обвинением меня в наиболее тяжком государственном преступлении — измене Родине в форме заговора с целью захвата власти».

Темпы инфляции по Кобякову

Далее Кобяков писал, что «НВ» своей статьей нанесло тяжелый моральный ущерб его семье, скомпрометировало его перед друзьями и сослуживцами, пыталось спровоцировать его административное и уголовное преследование, затруднить его возможные поездки за рубеж

СВИДЕТЕЛИ ЗАЩИТЫ ОБВИНЯЮТ

Можно ли построить церковь из свинарника

Сергей Ковалев,
член Президиума Верховного Совета России,
председатель парламентского Комитета по правам человека

Ошиблись те, кто полагал: КГБ закончил свой путь. Увы, жизнь комитета продолжается, и с пути своего эта страшная машина не сбилась.

Лидеры, не умеющие учиться у истории, наивно полагают, будто мощную отрицательную силу можно, «перестроив», использовать для достижения благих целей. Однако система эта строилась под определенные задачи — и только их умеет выполнять. У меня есть основания считать, что и сегодня КГБ небезуспешно работает в тех же, прежних, направлениях. Попытки решительных перемен — будь то разработка новой концепции госбезопасности или раскрытие архивов КГБ — встречают вязкое сопротивление, будто вы делаете пальцем дырку в киселе. Вынули палец — и нет дырки...

В Комитет по правам человека еще не обратился ни один сотрудник органов, который жаловался бы на дискриминацию со стороны новых демократических властей. Зато очень много жалоб на то, что демократически настроенных офицеров оттирают, вытесняют из системы, а те, кто правил бал в 70–80-е, снова у руля...

Я знаю, например, близкого советника вице-президента Руцкого, который служил следователем КГБ, вел диссидентские дела и играл заметную роль в деле Якира и Красина. Дочь Якира — Ирину — он допрашивал в то время, когда она кормила грудью дочь. Отпускал ее на полтора часа с допроса, как со службы... Этот же человек, Павел Александровский, по признанию Руцкого, участвовал в совещании у вице-президента, когда решалось: вводить чрезвычайное положение в Чечне или нет?

Надо ли судить наших судей? Не думаю, иначе мы просто не вырвемся из круга мести. Да и вряд ли такой суд будет объективным. С другой стороны, надо сделать что-то, чтобы бывшие палачи не могли сегодня снова поднять голову и заняться прежними делами, ссылаясь на то, что никто-де их не осудил, никто за ними вины не нашел... Слушания, которые проходили в парламенте, в этом смысле были недостаточны. Я думаю, что необходимы публичные парламентские слушания, где разбирались бы роль КГБ, деяния того или иного управления комитета конкретно, доказательно, с обязательным присутствием защиты. Такие слушания в России могли бы сыграть ту же роль, что в послевоенной Германии процесс денацификации, процесс, который переломил психологию немцев.

Если мы хотим построить на месте КГБ нечто подобное ему, тогда действительно нужно комитет реформировать, как это делается сейчас. Если же нам нужно совсем другое, мы можем воспользоваться лишь кирпичами от здания КГБ. Перестроить свинарник в церковь, надстроив колокольню, нельзя: свинарник остается свинарником. Надо разобрать его до основания, а уж из кирпичей делать что угодно...

(поскольку «НВ» издается не только на русском языке и распространяется за рубежом). «Клеветническая публикация в «Новом времени» нанесла существенную моральную травму, вред мне как честному и уважающему законы нашей страны гражданину, просто живому человеку, грубо поправ то, что провозглашено высшей ценностью нашего общества, — честь и достоинство человека», — заключал свои претензии к «НВ» Юрий Кобяков.

Он просил обязать редакцию опубликовать полный текст его ответа на статью А.Кичихина «КГБ все знал. И действовал» и взыскать с «НВ» 240 тысяч рублей «в возмещение морального (неимущественного) вреда, причиненного в результате публикации статьи...». «Полагаю, что такой размер иска, с одной стороны, не является чрезмерно большим в связи со стремительной инфля-

цией, а с другой — он достаточно значителен, чтобы в редакции «Нового времени» хорошо уяснили: клеветнические публикации неотвратимо влекут за собой строгое наказание по закону, а их продолжение кроме прочего чревато финансовым банкротством журнала», — объяснял Юрий Кобяков свои денежные претензии.

В назначенный день — 6 февраля — суд не состоялся по техническим причинам. Но на судебном заседании редакция ознакомилась с дополнительным исковым заявлением гражданина Кобякова. На сегодня он требует с «Нового времени» 960 тысяч рублей. Основание — инфляция. Нет хуже без добра. Теперь благодаря Юрию Кобякову редакция знает темпы инфляции в России.

Следующее судебное заседание назначено на 24 марта...

"ПРЕДАТЕЛЬСТВО-НЕЛЕГКАЯ РАБОТА" — ОТКРОВЕНИЯ БЫВШЕГО СОТРУДНИКА
СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ НИКОЛАЯ ЧЕРНОВА

"ИЗВЕСТИЯ" № 56 8 марта 92. стр.8

111

«ПРЕДАТЕЛЬСТВО- НЕЛЕГКАЯ РАБОТА»

Николай БУРБЫГА, «Известия»

11 сентября 1991 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Николая Чернова к лишению свободы сроком на 8 лет за шпионаж, но спустя пять месяцев Указом Президента России Чернов, а также еще девять человек, осужденных в разное время по статье 64 — «Измена Родине», были помилованы.

В 1963 году Н. Чернов был опертехником советской резидентуры в Нью-Йорке. Однажды вместе с майором КГБ Дмитрием Кашиным (Фамилия изменена. — Авт.) он поехал на оптовую базу одной американской фирмы, расположенной в Нью-Йорке, чтобы купить стройматериалы для ремонта помещений. Уговорив хозяина базы выдать документы без отражения в них торговой скидки за оптовую покупку, Чернов и Кашин получили таким образом 200 долларов, которые и поделили между собой. А дальше все развивалось, как в самом заурядном детективном кино.

На следующий день, когда Чернов явился на базу за стройматериалами, в кабинете хозяина его уже ждали двое джентльменов. Один из них был выше среднего роста, с оттопыренными ушами и продолговатым смуглым лицом. Чем-то он был похож на певца Муслима

Магомаева. Представившись сотрудником ФБР, он сказал, что им известно о том, что Чернов — сотрудник советских разведорганов. Как показал потом уже на суде Чернов, он стал возмущаться, но его слова на американцев не подействовали. Они представили фотокопии платежных документов, изобличивших его в незаконном присвоении 200 долларов, а также фотографии, на которых он был запечатлен в увеселительных заведениях Нью-Йорка: ресторанах, барах, ночных клубах. На опертехника ГРУ это действовало безотказно: в те годы за посещение таких мест сотрудников советских резидентур строго наказывали. Во время второй встречи Чернов передал американцам две таблетки — спецсредства для тайнописи. А через неделю он снова встретился с сотрудниками ФБР. Поблагодарив его за таблетки, они предложили ему продолжить сотрудничество. На что Чернов

"ПРЕДАТЕЛЬСТВО-НЕЛЕГКАЯ РАБОТА" ← ОТКРОВЕНИЯ БЫВШЕГО СОТРУДНИКА
СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ НИКОЛАЯ ЧЕРНОВА

"ИЗВЕСТИЯ" № 56 8 марта 92. стр. 8

121

ответил, что сейчас об этом говорить нет смысла — скоро должен уехать в Москву, а вот через два года, по всей видимости, он вновь придет в США. Тогда можно будет и договориться.

Перед отъездом в Москву Чернов еще раз встретился с американцами, которые предложили выпить, вручили 10 тысяч «деревянных» рублей, фотоаппараты «Минокс» и «Тессита», русско-английский словарь с тайнописью, а также присвоили ему шпионский псевдоним — «Ник».

Что же интересовало американцев? Практически все оперативные офицеры резидентуры давали Чернову документы на фотографирование. Новые «хозяева» требовали от Чернова,

чтобы он фотографировал названия документов, получаемых главным разведывательным управлением от своих агентов в США, их титульные листы, номера. Американцам это было необходимо, чтобы можно было искать советских агентов у себя в стране. Всего, по словам

самого Чернова, ему удалось передать американцам свыше трех тысяч кадров с информацией разведывательного характера, которую добывало главное разведывательное управление. Сделал он это в 1972 году во время зарубежной командировки по линии МИД СССР. Тогда он уже работал младшим референтом в международном отделе ЦК КПСС. Имея на руках дипломатический паспорт, Чернов без труда вывез за границу в двух упаковках экспонированные фотографии.

КАК ЖЕ он был разоблачен?

Еще в 1987 году генерал-майор Д. Поляков, приговоренный впоследствии за шпионаж к исключительной мере наказания, рассказал о таком эпизоде. «Во время встречи в 1980 году в Дели с сотрудником амери-

канской разведки мне стало известно, что Чернов передавал американцам тайнописи и другие материалы, к которым имел доступ по роду службы»...

В судебном заседании Чернов признал себя виновным и дал подробные показания об обстоятельствах его вербовки представителями американской разведки, о характере выданных им сведений, способах сбора, хранения и передачи. А также пояснил: преступление совершил из корыстных побуждений. Вражды к государственному строю не испытывал.

Встретиться с Николаем Черновым мне удалось не в знаменитой зоне 35 Пермской области, где многие годы содержались политические заключенные, а в его неплохой московской квартире.

Бывший «политзэк» курит трубку и охотно рассуждает о древнем ремесле.

— Разведка, — говорит он, — это очень грязное и немножко тонкое дело. Основной ее принцип: человеку добровольно предлагают сделаться подполком. Услышав фамилию генерала Полякова, оживляется:

— О, Поляков — это звезда. А Пеньковский так себе... Полякова я знал хорошо. Вместе работали в нью-йоркской резидентуре ГРУ. Он был заместителем резидента. Поляков 20 лет работал на американцев. Многих наших «нелегалов» заложил. Знал,

кто и куда едет, на какую должность. Отправляя — и тут же звонил. Их встречали, и под белые ручки: или работой на нас, или садись пожизненно... Да, нелегкая у этих ребят работа. А те, кто дипломатический паспорт на руках имеет, умеют только водку пить. В этом вся их разведработа.

— Какова судьба вашего коллеги майора КГБ Кашина?

— Он приехал в Нью-Йорк позже меня. Первое время часто заходил ко мне. Вместе выпивали. Но после того как попали в неприятную ситуацию, мы старались избегать друг друга. В

Москве один раз встретились. Потом он умер.

— Он работал на ФБР или ЦРУ?

— Точно не знаю, хотя известно: на них многие работали. Как-то, чтобы успокоить меня, агент ФБР сказал: «Не вы один сотрудничаете с нами», — и показал 3 фотокарточки, на которых были изображены коридоры резидентуры ГРУ и КГБ, а также референтуры нашего представительства при ООН в Нью-Йорке. На фотографиях возле каждого кабинета были начертаны стрелочки с указаниями фамилий сотрудников. Была стрелка и возле моей лаборатории с надписью от руки: «опертехник Чернов».

Фотографии были низкого качества с крупным «зерном». Это свидетельствовало о том, что сильно увеличенные снимки были изготовлены с микроплёнки, а фотосъёмка производилась каким-то миниатюрным фотоаппаратом, закамуфлированным, очевидно, в какой-то предмет.

— Кто, по-вашему, мог сделать эти снимки?

— Может быть, Поляков...

— На чем вас взяли?

— Обо мне, очевидно, говорил Поляков. Но вещественных доказательств у КГБ не было.

— А словарь?

— О нем я сам рассказал. Но я не знал, что в нем есть тайнопись. В лаборатории ГРУ я об-

следовал его и ничего не обнаружил. Поэтому и подарил словарь сослуживцу... Но я не исключаю, что меня могли «сдать» американцы за то, что я долгое время не выходил с ними на связь. Ушел от них, так ничего и не дав.

— А таблетки...

— Они не представляли никакой ценности. Описаны во многих учебниках. Вообще, у нас в стране все засекречено, а в ГРУ — даже туалетная бумага. Технику, что у них есть, можно еще использовать против советских эзков, но против американских спецслужб...

"ПРЕДАТЕЛЬСТВО-НЕЛЕГКАЯ РАБОТА": ОТКРОВЕНИЯ БЫВШЕГО СОТРУДНИКА
СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ НИКОЛАЯ ЧЕРНОВА

"ИЗВЕСТИЯ" № 56 8 марта 92. стр. 8

131

— На чем обычно «проваливаются» наши разведчики?

— Наши — кустари, а не профессионалы. Деньги тратят колоссальные, а результат — нулевой. Наши всегда берут не умением, а числом. Из нескольких сотен тогдашних сотрудников посольства половина — люди КГБ и ГРУ. А какие нравы! Напишет какой-нибудь «доброхот» на тебя письмо — и никто разбираться с тобой не будет. Тут же в Союз отправят. Из-за страха, что вышлют, и недоверия друг к другу все пили под одеялом. Благо, по дипломатической скидке бутылка водки стоила всего 90 центов. Выписывали по ящику и домой везли.

— А вы?

— Я жил нормальной жизнью. В кабаре ходил...

— Как осуществляется вербовка?

— Как правило, иностранцы сами предлагают разовые услуги, чтобы поправить свои финансовые дела. Например, фирма «прогорает». А потом дело техники. Наши садятся на бедолагу и начинают его шантажировать... Я тоже оказался игрушкой в руках КГБ. Мне сказали: «Прошло много лет. Поделитесь своими секретами о деятельности американских спецслужб. Мол, сведения будут использованы для обучения молодых сотрудников. И за это до суда мы вас не дове-

дем». Вот я и выдумывал, фантазировал, что когда-то в книжках вычитал. Они же обрадовались и взвалили на меня все провалы, которые были в ГРУ в течение 30 лет.

— Но вы же передали в 1972 году американцам некие ценные материалы...

— Ничего ценного там не было. Документы были сняты в обычной библиотеке. И вообще, если бы я захотел, то развалил бы ГРУ. Но я этого не сделал...

КТО ЖЕ ВЫ, Николай Дмитриевич, на самом деле? На кого в действительности работали? Вот несколько выдержек из судебного дела. В 1962 году Чернов непосредственно занимался обработкой секретного «Альбома управляемых ракетных снарядов ВМС США», полученного от ценного агента ГРУ

«Дрона». Уже в июле того же года американские спецслужбы начали проводить розыскные мероприятия по установлению лица, передававшего этот документ советской разведке. В сентябре того же года «Дрон» был арестован и осужден к пожизненному тюремному заключению... В марте 1964 года в Лондоне английская контрразведка арестовала ценного агента «Барда», осужденного впоследствии к 21 году тюремного заключения... В 1977 году к 18 годам лишения свободы за шпионаж в пользу СССР был осужден командующий войсками ПВО Швейцарии бригадный генерал Жан-Луи Жанмэр. Он вместе с женой с 1962 года поддерживал тесную связь с советской военной разведкой. «Муржи «Мэри» — оперативные псевдонимы ГРУ — были выявлены, как сообщала зарубежная пресса, на основании поступивших в швейцарскую контрразведку «от одной из иностранных разведывательных служб» данных о них. При этом отмечалось, что эта информация исходит от советского гражданина.

Во время работы Чернова в 1963—1968 годах в фотолаборатории ГРУ им в числе других поступивших в Центр и направляемых в заграничные подразделения материалов обрабатывались и отправлялись документы, в которых содержались сведения об агентах. В результате передачи американскими спецслужбами французской контрразведке информации о деятельности ГРУ на территории Франции в середине 70-х годов была выявлена и ликвидирована практически вся агентура ГРУ в этой стране, активно сотрудничавшая с советской разведкой в середине 60-х годов...

Сколько всего поломанных судеб на совести Чернова, никто (за исключением, очевидно, американцев) не знает и больше никогда не узнает. Что же касается самого Чернова, то ему удалось уйти от ФБР, ЦРУ, ГРУ, ЦК КПСС, КГБ, а теперь вот даже от колонии.

Фото Ю. ИНЯКИНА.

— Асф —

ИНТЕРВЬЮ С БЫВШИМ РЕЗИДЕНТОМ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ БОРИСОМ СОЛОМАТИНЫМ

"ТРУД", 19 МАРТА 1992, стр.4

РАЗВЕДЧИК? ШПИОН? ПРЕДАТЕЛЬ?

Интервью с резидентом внешней разведки

ИНТЕРВЬЮ С БЫВШИМ РЕЗИДЕНТОМ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ БОРИСОМ СОЛОМАТИНЫМ

"ТРУД", 19 МАРТА 1992, стр. 4

2

В ОДИН из декабрьских дней 1967 года вашингтонскому резиденту внешней разведки КГБ доложили, что некий явившийся в посольство американец просит встречи с офицером, отвечающим за вопросы безопасности. Резидент отправил к нему своего помощника. «Что вам угодно?» — напрямую спросил тот гостя. «Я хочу продать Советам совершенно секретные документы, связанные с военной мощью Соединенных Штатов». Лицо у офицера вытянулось. «Одну минуту», — сказал он и вышел из комнаты. Появившийся вслед за тем резидент повел с американцем неторопливую беседу, продолжавшуюся четыре часа.

Опытный разведчик, он понимал, какими последствиями грозит ему, его коллегам и советско-американским отношениям в целом этот визит в том случае, если гость окажется «подставной» местных спецслужб. А если нет? Вдруг и вправду этот американец предлагает сотрудничество на чисто деловой основе: он нам секретные документы, мы ему — наличные. «Меня не интересует политика. Только деньги», — твердил незнакомец. «Сколько вы хотите?» «Сначала от 500 до 1000 долларов в неделю».

После изнурительных расспросов и внутренних колебаний резидент решил: «Вот вам первая тысяча. Встретимся через две недели в торговом центре города Александрия». Со множеством предосторожностей американца, надев на него предвзвешенно чужие плащ, шляпу и приклеив ему усы, вывели из здания посольства, посадили в машину и, убедившись в отсутствии хвоста, высадили на окраине столицы.

Так советская разведка получила одного из самых ценных агентов за всю свою историю. А скромный младший офицер военно-морских сил Джон Энтони Уокер с этого дня перестал нуждаться в деньгах, приобрел дорогую яхту, собственный самолет и 17 лет ни в чем себе не отказывал. Товар, которым он торговал вплоть до своего ареста, никогда не падал в цене: ключи к шифрам ударных соединений военно-морских сил, в

том числе ядерного подводного флота США. По словам заокеанских экспертов, «Уокер нанес системе обороны ущерб, который сопоставим только с тем, когда супруги Розенберги в 1950 году передали русским секрет атомной бомбы». Еще эксперты с ужасом признавали, что если, не дай Бог, тогда случилась бы война между двумя супердержавами, русским была бы гарантирована победа, потому что они полностью контролировали главную часть наступательной ядерной триады Соединенных Штатов — подводный флот.

По некоторым имеющимся у автора данным, благодаря полученной от Уокера информации наши подводные субмарины могли заходить чуть ли не в Нью-Йоркскую гавань. В военных кругах поговаривают, что на этом деле не один наш моряк стал Героем.

20 мая 1985 года в отеле «Рамада-Ин» в Мэриленде на запылять удачливого агента были надежды наручники. Его карьера закончилась приговором о пожизненном заключении. Различные сроки тюремного наказания получили и другие члены созданной им шпионской сети — его сын Майкл, служивший на авианосце «Нимитц», брат Артур — отставной офицер ВМС и коллег-шифровальщик Джерри Уитуорт.

А как сложилась судьба того резидента, который рискнул вступить в эту опасную игру? Вернувшись из Вашингтона, Борис Соломатин был назначен Андроповым на должность заместителя начальника внешней разведки. Затем вновь руководил зарубежными резидентурами — в Нью-Йорке и Риме. Сейчас — пенсионер.

МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ в его квартире на Красной Пресне, и я попросил генерала ответить на вопросы, касающиеся положенных дел в разведке. Но вначале речь зашла о Джоне Уокере..

— Сколько мы ему заплатили?

— Около миллиона долларов. И смогли расшифровать миллион сверхсекретных документов. В среднем получается по доллару за каждый документ. Вот и судите, на-

сколько это было рентабельным. — А на чем же погорел Уокер?

— На собственной небрежности. Кстати, это типичная беда многих агентов — пренебрежение конспирацией. Еще в 1968 году его жена обнаружила в ящике письменного стола Джона нашу инструкцию с условиями связи и крупную сумму денег. Она сразу смекнула, в чем дело, но до поры помалкивала. В 76-м, когда они разошлись, Джон хорошо ей заплатил и затем продолжал давать по 500 долларов ежемесячно. Однако в 84-м Барбара позвонила в ФБР: «Мой бывший муж работает на русских». Спустя полгода его взяли.

— Признайтесь, Борис Александрович, в этом случае присутствовала большая доля удачи. Человек, владеющий стратегическими секретами сам вышел на вас предложил свои услуги. Так, наверное, случается крайне редко. А какими приемами пользуется разведчик, желая завербовать, привлечь к сотрудничеству нужное лицо?

— Чтобы, не дай Бог, не раскрыть наших профессиональных тайн, отвечу словами из полученного американского документа, определяющего концепцию вербовочной работы для разведслужб США на 90-е годы. Она включает в себя использование новейших достижений в области психоанализа, теории поведения, изучения психотических особенностей личности. Составленный специалистами психологический портрет кандидатов на вербовку обрабатывается на ЭВМ, после чего получают «индикатор вербуемости» конкретного лица.

— Но, может быть, теперь все это напрасные хлопоты? Холодная война в прошлом. Мы становимся открытым обществом и ждем того же от других. К тому же, многие секреты сейчас, наверное, проще выведать с помощью современных технических средств..

— Я бы не советовал вам впадать по этому поводу в чрезмерную эйфорию. Американцы, в отличие от нас, насколько я знаю, вовсе не намерены дарить кому-то схемы своих подслушивающих устройств или сокращать ассигнования на спецслужбы. Бюджет ЦРУ — а в штате этой организации, по данным печати, 20 тысяч человек — оценивается в несколько миллиардов долларов. Нам такие средства и не снились.

ИНТЕРВЬЮ С БЫВШИМ РЕЗИДЕНТОМ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ БОРИСОМ СОЛОМАТИНЫМ

"ТРУД", 19 МАРТА 1992, стр. 4

Аналитики в Лэнгли не без оснований твердят о том, что 90-е годы в мире будут изобиловать опасностями и нестабильностью. А раз так, рассуждают они, то ни о какой разрядке в войне разведок не может быть и речи. Что же касается агентурной деятельности, то президент Буш дал указание в два раза увеличить ассигнования на нее и активизировать работу агентуры на территории нашей страны.

Грех обижаться на Буша. Соединенные Штаты всегда считали хорошо поставленную разведку жизненно важной формой страхования для своего государства.

— Похоже, и мы так считали. Перед встречей с вами, поворотив свой архив, я освежил в памяти последние факты глубокого проникновения агентов КГБ в государственные, военные, экономические структуры Запада. Что и говорить, картина впечатляющая. «Наши люди» сидели в канцеляриях президентов, военных штабах НАТО, на крупнейших оборонных предприятиях... Естественно, я знаю только о тех, кто попался и «засвечен» прессой. А сколько продолжают благополучно вершить свою шенотливую миссию! Такое впечатление, что от бдительного глаза советской разведки ничто не могло укрыться. Ваши коллеги рассказывали мне об особенных успехах в области добытия научно-технических секретов. Документы с описаниями самых совершенных технологий, чертежи и схемы секретных компьютеров и другого оборудования миллионами экземпляров поступали к вам в Ясенево со всех концов света. Но только — вот незадача — почему-то мало находилось желающих всем этим добром воспользоваться. И не получалось ли, таким образом, что разведка порой работала сама на себя? Люди рисковали, ставили под удар и собственную судьбу, и репутацию нашего госу-

дарства, кому-то платили большие деньги и — ради чего? Чтобы, получив украденные или купленные ими секреты, наши отечественные деятели забрали их подальше в сейф? Стоит ли овчинка выделки?

— Вы затронули очень серьезную проблему. Действительно, реализация многих наших материалов, рациональное, хозяйское использование развединформации — все это было на явно недостаточном уровне. Конечно же, разведка, как и прежний госаппарат, нуждается в серьезной реконструкции. Теперь, с уменьшением военной опасности и исчезновением традиционных противников, следует поменять какие-то приоритеты. Ведомство значительно сокращается по численности.

Я пришел в разведку в 1951 году — тогда это был Комитет информации, возглавлявшийся Молотовым. И с тех пор на моих глазах она разбухала, причем самым интенсивным этот

процесс был при Андропове. Он любил разведку, всячески ее поддерживал, при нем она переехала в гигантский загородный комплекс, стала монстром. Владеть информацией — владеть миром, в брежневские времена этот тезис был особенно актуальным.

— Возвращаясь к началу нашего разговора, хочу спросить, сколько человек вы лично за вербовали?

— Специальными подсчетами я не занимался. В памяти остаются только наиболее яркие люди, самые ценные агенты. Таких было три-четыре человека. Свою зарубежную карьеру я начинал в Индии, где у нас были очень хорошие позиции. Подкармливали там кого следует — и не только коммунистов.

— Истатьи, насчет денег, передаваемых из Москвы «зарубежным друзьям»... Теперь уже не секрет, что руководство КПСС активно использовало в этих операциях внешнюю разведку. Расскажите как передача денег осуществлялась технически.

— Валюта поступала в резидентуру диппочтой, это могли быть сразу многие тысячи долларов. Если не лично генеральный секретарь местной компартии принимал эту «матпомощь», то он назначал своего доверенного человека, с которым и устраивалась конспиративная встреча. Передавали деньги, брали расписку...

— Это было рискованно? Я хочу уточнить: те же американцы смотрели на такие встречи сквозь пальцы или подобные операции грозили разведчикам неприятностями?

— Все зависело от конкретной страны. В США, где мы находились под очень плотной опекой контрразведки, подобные контакты вполне могли обернуться шумным скандалом. В других странах мороки было меньше.

Но еще я хочу сказать, что, пожалуй, основной канал финансовой поддержки зарубежных компартий действовал по-другому: не перекачивание наличных, а коммерческая поддержка т. н. «фирм друзей», когда наши внешнеэкономические организации по указанию ЦК КПСС заключали сделки и контракты явно в ущерб интересам родины. Зато с хорошим наваром для партнеров, за которыми стояли «братские компартии». Не с этих ли денег иные из комлидеров заводили себе комюшны с арабскими скакунами?

— Некоторые депутаты обиделись на Приманова, когда он в связи со скандалом вокруг партийных денег отказался познакомиться с общественностью с архивами внешней разведки...

— Пусть, как это принято в цивилизованных странах, парламент образует комиссию или комитет по контролю за деятельностью разведки. Пусть члены этого органа дадут подписку или присягу о неразглашении сведений, составляющих государственную тайну. И, пожалуйста, работайте на здоровье с любыми документами.

У нас теперь любят во всем ссылаться на американский

ИНТЕРВЬЮ С БЫВШИМ РЕЗИДЕНТОМ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ БОРИСОМ СОЛОМАТИНЫМ

"ТРУД", 19 МАРТА 1992, стр. 4

4

опыт. Так вот, бывший директор ЦРУ Ричард Хелмс во времена президента Картера получил два года тюрьмы условно и заплатил штраф в две тысячи долларов за то, что, выступая на сенатских слушаниях, не сказал всей правды об акциях ЦРУ в Чили. «Но если бы я рассказал им все, — пояснил он, — и информация просочилась бы в прессу, это поставило бы под угрозу жизнь нескольких агентов».

Вспомните теперь иных наших политиков и функционеров. В припадке разоблачений они не думают о живых людях.

— Раз вы были резидентом в Риме, значит, можете пролить какой-то свет на тайну, связанную с попыткой убить папу Иоанна Павла II. «Болгарский след», «рука КГБ» — сейчас разговоры об этом стихли, но в свое время на Западе их пытались сделать козырной картой в игре против Кремля. Например, сбежавший в 1980 году к американцам майор Шеймов в печати обвинил Ан-

дропова, который якобы дал задание собрать информацию о том, «каким образом можно физически приблизиться к папе».

— Вся эта история — типичный пример направленной дезинформации западных спецслужб. Или, на языке профессионалов, пример проведения активного мероприятия. Меня связывали хорошие отношения с болгарским послом, а уж у болгарского резидента вряд ли от меня были секреты. София здесь ни при чем — это абсолютно ясно. И про Андропова — ложь. Возможно, когда-нибудь мы и узнаем, кто стоял за этой кровавой инсценировкой.

Кстати, спустя некоторое время наша служба аналогичным образом попыталась сработать по американцам. Помните развернутую кампанию по обвинению Соединенных Штатов в распространении СПИДа? Чувшь, конечно, но ведь тоже кто-то клоннул.

— Я в то время работал редактором молодежного еженедельника и хорошо помню энергичные попытки «кураторов» из КГБ и ЦК продвинуть эту байку на газетные страницы. Но как-то быстро они застряли. Время уже было другое да и сработали эту «дезу» уж слишком топорно.

— Оба случая, повторяю, относятся к категории активных мероприятий по дезинформации. Раньше это было в порядке вещей. Теперь же, с отходом от практики холодной войны, я считаю такие акции недопустимыми. Думаю, что в кодексе разведки — если таковой когда-нибудь появится — надо обязательно это зафиксировать.

— Следует ли ваши слова понимать так, что внешняя разведка не занималась организацией и осуществлением терактов? Перебежчики, утверждая обратное, говорят о существовании в рамках управления «С» какого-то особого отдела «мокрых дел». Может, нет дыма без огня?

— Когда в 1965 году, то есть еще при Семичастном, я приехал в Вашингтон, тогда, пожалуй, по инерции в какой-то форме еще могли обсуждаться вопросы о поведении таких акций. Но я подчеркиваю — обсуждаться! А решения всегда принимались отрицательные. В управлении «С» действительно существовал отдел под номером 13, однако курировал он учебный центр подготовки разведывательно-диверсионных групп. Помоему, единственная «мокрая» акция, в которой они участвовали, это штурм дворца Амина в Кабуле. Потом и отдел ликвидировали, и боевиков этих убрали из разведки.

— Но все-таки если вернуться к середине 60-х годов, мог тогда обсуждаться вопрос о возмездии, скажем, в отношении какого-то перебежчика? Допустим, Носенко — он перешел к американцам в 64-м?

— Обсуждаться — мог. Но уже тогда никто бы не пошел на то, чтобы физически устранить человека. И напрасно Гордиевский ходит по Лондону с фальшивой бородой. Никакая опасность ему с нашей стороны

не угрожает, и он сам прекрасно об этом знает.

— Гордиевский... Сейчас о нем много пишут. А усилиями некоторых журналистов он начинает даже приобретать ореол «борца за свободу». Другой ваш бывший коллега по фамилии Южин работавший «по совместительству» на ФБР, недавно освобожден из заключения, как «узник совести». Что же происходит? Лично я не против гуманитарных актов даже по отношению к явным преступникам: амнистировать Южина и позволить выехать к Гордиевскому членам его семьи — это можно понять. Это нормально для великодушного государства. Но зачем же поребовалась компания по реабилитации предателя? Помоему, даже для них самих неожиданная?

— Тот же вопрос задаю себе и я. А представьте себе состояние действующих разведчиков, их обиду и недоумение. Раз перешедшие на чужую службу Гордиевский с Южиным — герои, «узники совести», значит, если исходить из этого, неправы все остальные, те, кто остался верен присяге. Бред..

Американец Уокер после ареста тоже пытался убедить всех, что его деятельность служила сохранению мира. Однако это не спасло его от пожизненного заключения. Таковы суровые правила игры.

Оба они — и Южин, и Гордиевский — были кадровыми офицерами разведки, весьма осведомленными, много раскрыли. Сколько наших людей конкретно из-за них пострадало, я не могу сказать, не знаю. Но точно известно, каким неоценимым подарком для спецслужб является каждый разведчик, перешедший на их сторону. И дело не только в именах расшифрованных ими агентов. Вращаясь в специфической среде, они могут раскрыть внутреннюю жизнь разведки — вот в чем главный ущерб.

И еще одно замечание. В последнее время книги, написанные на Западе перебежчиками, стали печататься и у нас. Хочу предупредить: авторы этих произведений очень часто выражают не только свои собственные мысли и наблюдения, а и то, что им диктуют новые хозяева. Они вынуждены писать под диктовку. Так что не следует принимать все опубликованное за чистую монету.

— По видимому, ЦРУ, ФБР, МИ-5 и другие аналогичные ведомства уже достаточно хорошо осведомлены о том, что происходит за двойным бетонным забором в Ясенево. Ведь сколько ваших людей ушло. Фоменко, Илларионов, Кузичкин, Левченко, Шеймов... Только в последние годы десятки два. А интересно, мы имеем свои источники в ЦРУ? Помните полтора года назад Крючков говорил что по вине Налугина, когда тот занимал должность начальника внешней контрразведки, «был потерян ценнейший источник, работавший в ЦРУ». Это правда?

ИНТЕРВЬЮ С БЫВШИМ РЕЗИДЕНТОМ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ БОРИСОМ СОЛОМАТИНЫМ

"ТРУД", 19 МАРТА 1992, стр. 4

— Насколько я знаю (а всего у нас не знал никто), не было в тот период нашего человека в Лэнгли. Видите ли, для таких людей, как Крючков, разведка хороша тем, что позволяет говорить о ней все, что вздумается. Поди проверь.

— Так-то оно так. Но с другой стороны у меня ваше утверждение вызвало и чувство досады: выходит, нашим их шпионская цитадель оказалась не по зубам?

— Я ведь не сказал, что мы никогда не имели или не имеем там свои источники. Речь идет о конкретном отрезке времени. Что же касается проникновения агентов противника в наши спецслужбы, то, как ни горько это признать, у них были значительные успехи. Нам требуется укреплять свою внешнюю контрразведку. Хотя, разумеется, никакая контрразведка не поможет, пока вновь не станем монолитным государством, не обретем прочных нравственных критериев. Это — главное.

БОРИС Александрович Соломатин не пишет мемуаров. Он обречен до гробовой доски носить в себе тайны ремесла, которому отдал 40 лет. Мемуары пишет Джон Уокер. В тюрьме.

«Конечно, разведка — дело не для людей в белых перчатках, — соглашается отставной резидент. — Но мир покуда устроен так, что без нее нельзя. Никто добровольно еще не отказался от намерения выведать секреты соседей по планете».

У себя дома на Красной Пресне он пишет кодекс разведки. Он хочет, чтобы теперь игра шла по правилам.

Владимир СНЕГИРЕВ.